

КОРОЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ТРИллЕРА

МАКСИМ ШАТТАМ

ТЕРПЕНИЕ ДЬЯВОЛА

ПРОДАНО БОЛЕЕ 7 000 000 КНИГ

Короли французского триллера

Максим Шаттам

Терпение дьявола

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Шаттам М.

Терпение дьявола / М. Шаттам — «Издательство АСТ»,
2014 — (Короли французского триллера)

ISBN 978-5-17-115014-3

Полицейский рейд бригады по борьбе с наркотиками оборачивается ужасным открытием. В багажнике автомобиля обнаружены фасованные пластиковые пакеты с кусками человеческой плоти... Но кому мог понадобиться столь жуткий товар? В то же самое время на другом конце Парижа двое подростков устраивают кровавую бойню в скоростном поезде... Тут и там в городе начинают находить обезображенные трупы пропавших людей. И это только начало... Лейтенант Парижского отдела жандармерии Лудивина Ванкер вскоре понимает, что эти на первый взгляд не связанные друг с другом происшествия ведут к одному источнику. В самое сердце страха. Дьявол слишком долго ждал за кулисами, теперь ему не терпится выйти на сцену.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-115014-3

© Шаттам М., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
1	11
2	15
3	22
4	26
5	32
6	36
7	41
8	44
9	51
10	57
11	62
12	67
13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Максим Шаттам

Терпение дьявола

Maxime Chattam
La Patience du Diable

© Maxime Chattam, 2014
© Editions Albin Michel, 2014
© Павловская О., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Всем тем, кто помог мне обрести форму и содержание. Моим родителям, моей семье, моим учителям, друзьям и супруге.

Вы камни, из которых сложен мой дом, и когда снаружи гуляют буйные ветра, благодаря вам я крепко сплю каждую ночь.

Они здесь, вокруг нас, совсем близко, обустроились во мраке и тишине. Они незримы, и навести нас на след могут лишь отголоски существования чудовищ – их преступления.

Джошуа Бролин¹

Самая изысканная уловка дьявола – убедить вас, что его не существует!

Шарль Бодлер²

Если вы хотите прочитать этот роман, погрузившись в ту же атмосферу, в какой я его писал, советую во время чтения отрешиться от внешнего мира с помощью саундтреков:

- Йохана Йоханссона к «Пленникам» (Prisoners);
- Марка Штрайтенфельда к «Прометею» (Prometheus);
- Марка Штрайтенфельда к «Схватке» (The Grey);
- Говарда Шора к «Молчанию ягнят» (The Silence of the Lambs);
- Дэниела Пембертона к «Экстрасенсу» (The Awakening).

¹ Из предыдущего романа Максима Шаттама «Первобытное зло» (*La Conjuración primitiva*).

² Строчка из стихотворения Ш. Бодлера «Великодушный игрок» (*Le Joueur généreux*).

Пролог

Зверски не хватало драйва, и Силаса это напрягало. Он давным-давно придумал себе, как все будет, и с нетерпением ждал этого дня, вот этого самого момента, подпрыгивая на месте, как ребенок в канун Рождества. И что же теперь? Жалкий намек на радость. Зато Пьер был счастлив – его глаза сияли, с лица не сходила идиотская ухмылка, с тех пор как они вдвоем добрались до вокзала Монпарнас. При том, что с самого начала именно он, Силас, проявлял самый жаркий энтузиазм, именно он почти не колебался, принимая решение, – а сейчас Пьер буквально раздувался от гордости.

Силас остановился под информационным табло, вдохнул аромат горячей выпечки из буфета. Нужное название поезда долго искать не пришлось – оно уже было там, горело большими буквами, а сияющая надпись места назначения, Андай³? обещала долгие и безмятежные каникулы, заслуженный отдых. Вечный покой.

«Не совсем каникулы, конечно, – мысленно поправился Силас, – но что-то типа того».

Номер платформы тоже появился; Силас ткнул Пьера кулаком и указал на табло. Пьер, сосредоточенно наблюдавший за толпой, которая безудержно заполняла зал ожидания, вздрогнул.

– Пошли, поезд прибыл.

Оба подростка закинули на плечи тяжелые сумки и погрузились в бурный поток национального трудового ресурса на пике ежедневной миграции. Проходя мимо киоска с сэндвичами, Пьер задержался купить апельсиновый сок, предварительно стрельнув деньги у торговщицы, и жадно осушил его в несколько глотков. Силас предпочел воду «Эвиан». Допив, бросил пустую бутылку на пол. Она откатилась на несколько сантиметров и угодила в жернова утренней суматохи: Силас смотрел, как бутылка от удара идеально начищенного «вестона» отлетела под подошву плотницкого башмака, захрустела горлышком, смятая под его весом, и отправилась дальше в раскошегаренную дробилку. Отскочила от пятки мехового «угга» – вообще-то было начало мая, но присутствие «уггов» никого, кроме Силаса, не удивило, – и исчезла в недрах шагающего тысяченого механизма. Вся эта машина неумолимо перла вперед, завораживая ритмом и динамикой. Никто бы не сумел остановить ее безудержный натиск.

Двое подростков помедлили у выхода на платформу; ремни сумок ощутимо врезались в плечи. Поезд уже стоял у перрона, и в него активно загружались когорты пассажиров.

– Чувствуешь что-нибудь? – шепнул Пьер, задыхаясь от эйфории.

Кроме слишком яркого, переливчатого блеска обшивки скоростного поезда, Силас не замечал ничего особенного ни во внешнем мире, ни в себе. Он был до ужаса, до разочарования спокоен.

– Нет пока.

– Да ладно! Ты вообще норм, нет? Я на месте устоять не могу. Музыка взял?

– Ясное дело. У меня айпод полностью заряжен.

– А темные очки?

– Есть.

– Крем для загара и панамка?

На этот раз Силас молча, без улыбки, уставился на Пьера.

– Ой, да расслабься, – буркнул тот. – Пошутить, блин, нельзя...

Тут Силас заметил мужчину, который странно на них пялился. Высокий тощий тип с седыми волосами, гладко зализанными на висках, был одет как махровая деревенщина

³ Андай – французский курортный город на берегу Бискайского залива. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. пер.

– в жилетку из другой эпохи и вельветовые штаны. Он, похоже, чувствовал себя неудобно. Помялся, затянулся электронной сигаретой, затем поднял сумку, видимо, очень тяжелую, и полез в вагон.

Пьер шелкнул Силаса по уху:

– Пора. Мне туда.

– Ага, тебе в первый класс, мне во второй...

До отбытия поезда оставалось еще минут десять, но топтаться на платформе не было смысла.

– Встретимся в вагоне-ресторане, – добавил Силас. Он зашагал к составу, но Пьер поймал его за руку:

– Эй!

Теперь улыбка Пьера была почти грустной. Семнадцать лет, черный ежик волос, густые взъерошенные брови сурово нахмурены. Он вскинул кулак, и Силас, сжав пальцы, тоже поднял руку. Кулаки столкнулись.

– Радоваться нужно, Силас, а ты морду кривишь. Блин, сегодня же великий день! Что не так?

– Ничего. Все хорошо.

– Точно?

Силас придал себе веселый вид, чтобы успокоить друга:

– Просто никак не проснись.

– Так давай просыпайся, чувак, поезд сейчас тронется, блин!

– Да я в порядке, не переживай.

Пьер понял, что докапываться бесполезно, и пожал плечами:

– О'кей. Тогда увидимся в вагоне-ресторане.

Подростки разошлись в разные стороны. Силас прогулялся вдоль состава, отыскивал свой вагон и, пока стоял в очереди на посадку с группой пассажиров, скользнул взглядом по собственному отражению в стекле. Он был бледнее обычного, хотя, казалось бы, куда уж бледнее – его и так часто принимали за альбиноса из-за слишком белой кожи и светлых волос. Но сегодня вид был болезненный. Наконец он шагнул в тамбур и, положив сумку в багажный отсек у самого входа, занял свое место в вагоне.

Когда по громкой связи объявили о скором отбытии, драйв все-таки начал потихоньку проявляться: защекотало внизу живота, по ногам побежали мурашки. Ну вот, наконец он хоть что-то почувствовал! Еще Силас заметил, что любой, самый слабый, огонек теперь кажется чересчур ярким. Может, из-за охватившей его эйфории?.. Прозвучали слова «прошу прощения», сказанные женским голосом, и рядом села симпатичная девчонка в мини-юбке и непрозрачных колготках. Силас обожал девчонок в непрозрачных колготках – считал, что так их ноги смотрятся особенно красиво. Появление соседки он истолковал как благоприятный знак и теперь уже не смог сдержать улыбку. А потом ощутил, что напряжение уходит, уступая место пьянительному чувству пассажира отбывающего поезда. Они с Пьером сидели здесь, в скоростном поезде, и вдруг Силас впервые полностью осознал происходящее, как будто раньше он был всего лишь сторонним наблюдателем. Раздался звучный гудок, извещавший о закрытии дверей, – и сердце пустилось вскачь, ладони взмокли.

Соседка, достав электронную книгу, погрузилась в чтение не видимого никому, кроме нее, романа. Силас этих штучек не понимал. Разве можно читать, не переворачивая страницы? А как же приятная тяжесть тома в руках? Шероховатость обложки? Отпечатки разных моментов жизни на страницах – след грязного пальца, клякса от кофе, ресница, упавшая в канавку переплета и оставшаяся там на десяток лет, уголок листа, загнутый тобой, чтобы отметить значимый отрывок или просто чтобы запомнить незнакомое слово? Нет, всеобщая мания читать с экрана была ему чужда. Это же все равно что читать не книгу, а ее *призрак*.

Как-никак в *призраках* Силас кое-что смыслил.

Он принялся краем глаза наблюдать за девушкой.

Бедняжка не знала, что ее ждет. Поглощая один за другим романы, она вступает в контакт с населяющими их призраками, и в итоге призраки подчинят ее своей воле. Они будут потихоньку проникать в ее сознание, проходя сквозь экран, слово за словом, станут просачиваться в кору головного мозга вместе с экранным излучением. Потому что текст, отпечатанный на бумаге, покорно дожидается, когда книгу откроют и начнут в него погружаться, но электронная читалка – другое дело. От нее исходят волны, распространяется электромагнитное поле или что-то вроде того, переполненное словами, и вызывает бесконтрольный семантический резонанс, подсознательные отклики, которые в конце концов превращаются в голоса.

Одержимость. Ей грозит одержимость.

Мурашки бежали уже по всему телу. Силас должен был стать свидетелем событий, в которые здесь, кроме него, никто не смог бы поверить. Но он-то знал, что к чему.

Поезд качнулся, и ландшафт за окном медленно пополз назад.

Покалывание в ногах превратилось в дрожь, оцепенения как не бывало. Силас уже не мог усидеть на месте – хотелось вскочить, прийти в движение. Однако он продолжал смирно сидеть рядом с девушкой, которой грозила одержимость, и терпеливо ждал, то и дело поглядывая на часы.

За пять минут до начала Силас поднялся с кресла. Бросил взгляд на соседку – призраки определенно уже завладели ее волей, потому что она никак не отреагировала, – и вышел в тамбур. Отыскав свою сумку в большой куче багажа, он достал айпод и сунул в уши «затычки».

8 часов 58 минут.

У него оставалось еще две минуты. Силас закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. С самого приезда на вокзал где-то в глубине глазниц пульсировала боль; любой, даже слабый свет слепил, и цвета казались слишком яркими. Он вспомнил, что в боковом кармане сумки лежат солнцезащитные очки, вытащил их и надел. Сразу стало легче. Еще одно преимущество: так не видны его зрачки. Никто не имеет права смотреть ему в глаза – люди этого не заслужили. Его глаза хранят тайну.

8 часов 59 минут.

Секунды вели обратный отсчет, вот-вот должно было сравняться 9.

Теперь сердце Силаса стучало быстро и мощно – казалось, от его ударов колыхнется футболка цвета хаки. Сердце словно требовало действовать без промедления.

Пьер, наверное, уже занял позицию.

Силас скользнул взглядом по окну – за ним простирались поля до самого горизонта. Отлично, так и задумано. Он ткнул пальцем кнопку «плей» на айпode, и в ушах заиграла музыка. Орельсан «Социальное самоубийство»⁴. Подходящая песня.

Быстрыми, уверенными движениями Силас надел снаряжение, затем достал из сумки свое орудие истины и шагнул в вагон.

На мгновение ему почудился глухой шум в отдалении, но, скорее всего, он ошибся. Хотя, возможно, Пьер уже приступил к делу.

Силас внимательно оглядел пассажиров в первых рядах – все сидели, уткнувшись в смартфоны, ноутбуки, планшеты или журналы. Он сотню раз проигрывал в воображении эту сцену, и всегда в его фантазиях люди кричали. А тут была тишина. На него как будто никто не обращал внимания.

Прошло несколько долгих секунд – за это время он успел хорошенько изучить обстановку и выбрать того, кто станет первым. Силас даже не надеялся, что ему так повезет.

И вдруг раздался женский визг.

⁴ Орельсан (наст. имя Орельен Котантен; р. 1982 г.) – французский эрпер.

Женщина в пятом ряду вытаращенными глазами смотрела на оружие в его руках и без умолку верещала, не двигаясь с места, парализованная страхом.

Ну наконец-то! Вот теперь пора.

Все мгновенно вышли из ступора, вылезли из своих уютных коконов и заозирались, пытаясь понять, что происходит.

Когда они увидели Силаса, было слишком поздно.

Обрез качнулся к мужчине в деловом костюме, и, прежде чем тот успел как следует вжаться в сиденье, серая ткань пиджака сплавилась с шелком подголовника в оглушительном грохоте выстрела. По вагону мгновенно разлетелась пороховая вонь, но еще быстрее распространилась паника.

Ближайшие к Силасу пассажиры, зажатые в тесных проходах между креслами, успели только приподняться – и вот уже первого из них заряд дробы, ударивший прямо в грудь, яростно отбросил обратно в кресло; второму вырвало гортань – он почти лишился головы; лицо третьего странным образом вдавилось в черепную коробку от выстрела в упор, словно голова сама втянула его изнутри.

Пассажиры рейса Париж – Андай вскочили, заметались, сбивая друг друга с ног и крича. Светловолосый подросток плавным движением достал из-за пояса пистолет и снова открыл огонь. Ему даже не приходилось прицеливаться: достаточно было жать на спуск, выставив перед собой оружие, и толпа прилежно ловила пули, поглощала их одну за другой, взамен отдавая тела – безжизненные или агонизирующие, вопящие, молящие, плачущие в смятении и страхе.

Выстрелы гремели не умолкая, рвали барабанные перепонки, а Силас неумолимо продвигался вперед, размеренно шагая в ритме словесных залпов Орельсана. Краем глаза замечая силуэты людей, съежившихся в креслах, он разворачивался и очередным выстрелом превращал их в остывающие трупы, не чувствуя жалости.

Он поравнялся с бывшей соседкой, которой грозила одержимость. Девушка, отскочив к окну, бледная, с мокрыми от слез щеками, прижимала к себе дурацкую пластиковую читалку, закрывая нижнюю половину лица. Будто хотела защититься.

– Эта хрень разрушает нейронные связи, ты в курсе? – бесстрастно произнес Силас.

Девушка, видимо, не услышала – она дрожала и подвывала.

В конце концов, не ей же решать, да?

– Поверь, так будет лучше. Когда тобой завладеют все эти книги, ты сама не обрадуешься. Точняк.

Читалка разлетелась на сотню осколков, и они вонзились в лицо девушки, заодно выломав челюсть.

Силас развернулся. Теперь он смотрел в конец вагона, куда, суется и толкаясь, удирали последние пассажиры. Какая-то девчонка споткнулась, и двое мужчин бессовестно пробежали по ней. На то, чтобы уложить их обоих, хватило двух пуль. Силасу вдруг почудилось, что девчонка с окровавленным лицом, плакавшая на полу, подмигнула ему, держась за плечо. Это, конечно, было маловероятно, но все же он ясно видел: девчонка ему благодарна. *Призраки* снова явили себя! Да, это были они! Девчонку нужно пощадить. Решено.

Силас перезарядил дробовик и выстрелил в затор, образовавшийся в конце вагона. Толпа взревела так, что у всех, наверно, полопались голосовые связки, и рванула наутек, как стайка кроликов. В одном направлении.

К Пьеру.

Можно не сомневаться: тот же спектакль идет полным ходом в другом вагоне. Люди окажутся в тупике, в тисках, две толпы столкнутся, каждая захочет смять другую, отшвырнуть ее с пути... А потом они поймут.

Куда бежать в скоростном электропоезде, который мчится на пределе возможного? В конце концов кто-нибудь дернет стоп-кран, чтобы его остановить, затем все бросятся в поля. И будут как на ладони.

Тогда они с Пьером усядутся на подножке вагона, повыше, и прицельно перестреляют из винтовок столько беглецов, сколько смогут. Это будет просто.

Реальная бойня.

Силаса переполняла гордость. Они войдут в историю.

Поставят новый рекорд.

1

Веки, налитые свинцом, отказывались подниматься, а когда чуть-чуть приподнялись, тонкая полоска света так резанула по сетчатке, что ослепила уставшие, чувствительные глаза. Лудивина глухо замычала, уткнувшись лицом в сгиб локтя. Попыталась разлепить губы – они разошлись со скрипом, как «молния», которую тянут за хвостик замка. Во рту было гадко, язык распух, горло саднило. Вместе с ней проснулась пульсирующая боль в висках и теперь все сильнее давила изнутри на кости черепа.

Черт возьми... Что я опять натворила?

Она снова приоткрыла глаза – медленно, давая им привыкнуть к свету, потихоньку различить в прищуре контуры потолка, карниза, бархатных штор. Постепенно начали возвращаться воспоминания о вчерашнем вечере, и вскоре им стало тесно в набухшей болью голове, как будто все свободное пространство в ней было занято алкогольными парами и не хватало места.

Унылый вчерашний вечер. Дичайшая тоска – пять баллов по пятибалльной шкале. Огненно-красный уровень опасности. Срочно приняты спасательные меры. Лексомил не подействовал. Ксанакс не справился. Ей нужно было почувствовать жизнь вокруг, окунуться в мир, в толпу, видеть улыбки, упиваться смехом, взглядами, словами, жестами, попасть в центр внимания, чтобы ее окутало, обьяло, одурманило. Поэтому...

Бар. Бухло. Парни.

Парень.

Лудивина вздохнула и помассировала лоб, прежде чем решилась открыть глаза пошире. Опасения оправдались: она не у себя дома. И не у кого-то из знакомых. Удалось приподняться на локте, болезненно морщась, и сфокусироваться на лежащем рядом теле. Щетина, густые лохматые брови, татуировки – языки пламени и каббалистические мотивы – на шее и плечах. Здоровенный мужик, но не brutальный. Черты лица грубоватые, хотя вполне симпатичные. Он тихо похрапывал, криво приоткрыв рот.

Лудивина заглянула под одеяло. Как и следовало ожидать, она была голая.

Только бы презерватив не забыли...

Она в изнеможении упала на подушку и закрыла лицо руками.

Как прошел остаток вечера, вспомнить не получалось. У них был секс? По крайней мере, она ничего особенного не чувствовала и никаких воспоминаний об этом в памяти не сохранилось. Впрочем, немудрено – ее дыханием сейчас свечки можно было зажигать.

Ну что же ты опять наделала, подруга? Это сильнее тебя, да?

До Лудивины вдруг дошло, что она не знает, ни какой сейчас день, ни сколько времени, – и разом накатила паника. Что, если у нее новое расследование?! Она соскочила и обшарила скомканную одежду, валявшуюся у кровати. Телефон нашелся в заднем кармане джинсов, на экране высветилось: «10:12».

Черт!

«Понедельник, 5 мая».

Значит, вчера приключилась воскресная хандра. *Гребаная воскресная хандра!* Жуткая штука. Хуже не бывает.

Лудивина срочно перетряхнула воспоминания вслед за одеждой и сразу успокоилась. Она ничего не пропустила – сегодня у нее выходной.

Голова гудела; на тонкие височные косточки что-то давило изнутри изо всех сил, напирало, словно хотело вырваться наружу.

Очень понятное желание. Мне и самой хотелось бы вырваться из собственной головы.

Лудивина натянула трусы, поглядывая на кровать. Нога татуированного мужика высунулась из-под одеяла – на лодыжке красовался еще один шаманский знак.

Его зовут Дом. Доминик, что ли? Нет, Дам! Дамьен... Точно, Дамьен! Работает в похоронном бюро или типа того.

Да какая, блин, тебе разница?!

Лудивина скривилась от головной боли. Она и вправду выпила вчера слишком много. Тут проснулся желудок, и живот скрутило сильным спазмом – Лудивина согнулась пополам, прижав ладонь ко рту. Закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, но так стало еще хуже – мир в темноте принялся раскачиваться. Пищевод обожгло желчью, но Лудивина, стиснув кулаки, подавила приступ рвоты. Надо срочно уходить отсюда. Никаких объяснений и неловких разговоров между двумя любителями случайных связей, и уж точно никакого вежливого обмена телефонными номерами на похмельные головы. Она натянула джинсы – вернее, втиснулась в невероятно узкие скинни, – подобрала с пола топ и некоторое время искала лифчик. Нашла – он болтался на дверной ручке.

Вчера ее понесло в бар не только потому, что хотелось побыть среди людей, нечего себя обманывать. В белом топе, на котором красовался череп, расшитый пайетками, она произвела ошеломительное впечатление на мужчин – весьма откровенное декольте неумолимо притягивало взгляды, и Лудивине об этом было отлично известно. Она никогда не надевала этот топ просто так, без умысла. И уж точно не вчера. Вчера она хорошо знала, что делает.

Разыскивая под кроватью свои босоножки на танкетке, Лудивина наткнулась на разорванную упаковку от презерватива и вздохнула с облегчением. Ну хоть что-то – одной глупостью меньше.

В желудке стремительно набухал новый обжигающий комок. Нужно было срочно бежать отсюда.

Она на цыпочках выскользнула из квартиры, не оставив записки и даже не бросив прощального взгляда на татуированного Даму. Они на пару ужрались и перепихнулись – этого вполне достаточно. «То есть не вполне, а более чем», – поправилась Лудивина. С Дамом она уже никогда не увидится. Зачем ей это живое напоминание о собственных ошибках и провалах? Ни к чему оно.

Лудивина осторожно прикрыла дверь, стараясь не хлопнуть. Спускаться в метро не понадобилось – оказалось, татуированный Дам живет в десяти минутах ходьбы от ее дома.

Вот ведь идиотка! Не могла найти кого-нибудь на другом конце Парижа?

Впрочем, Лудивина не была уверена, что узнает этого парня, если они случайно столкнутся на улице. И он наверняка тоже ее не вспомнит.

От теплого весеннего воздуха в голове немного прояснилось, но солнце так агрессивно лупило по глазам, что пришлось надеть темные очки. Светлые кудряшки заплескали над толстой оправой. В таком виде она походила на миленькую дурочку, едва протрезвевшую гламурную девицу, которая воскресным вечером позволила себя охмурить прекрасному незнакомцу. Гадость. Жалкая карикатура. Лудивина ненавидела себя в такие моменты.

Дома она сбросила босоножки и сразу направилась в ванную, к аптечке. Выпила таблетку пронталгина, потом на кухне включила электрический чайник – хотелось чаю, в горле пересохло, во рту застоялся привкус пива и текилы. Под душем сразу стало хорошо – вода смыла прогорклые ночные запахи секса, ее и чужого пота, и она долго стояла под струями, возвращая себе былую невинность, затем добрела до гостиной и опустилась на софу со второй чашкой «Инглиш брэкфаст» в руке.

Теперь, когда на синем небе сияло солнце, на улицы вернулась цивилизация, а Лудивина всеми органами чувств воспринимала жизнь вокруг, слушая умиротворяющие звуки где-то вдали, она с беспокойством и тревогой вспоминала все свои недавние поступки. Вчера ей не удалось взять себя в руки, успокоиться, усилием воли подавить темные импульсы, действовать как разумная взрослая женщина. Нет, она просто камнем ушла на дно.

Поднявшись с софы, Лудивина поплелась на кухню и встала перед календарем пожарных Парижа. Маркером зачеркнула написанную на полях цифру 2 и рядом нарисовала 3.

3/5.

Три из пяти.

Лудивина позволяла себе пять загулов в год. Пять раз срывала предохранительный клапан. Такое количество казалось ей приемлемым для того, чтобы продолжать достойное существование, не впадая в крайности. За неимением лучшего приходилось упорядочивать зло математическими методами.

Уже три, а сейчас только май. Год будет долгим.

Прошлый год она худо-бедно пережила без эксцессов – с какой стати это случилось сейчас? Прошло уже полтора года со дня смерти Алексиса и резни в Валь-Сегонде⁵. Самый тяжелый период позади, так почему же она сорвалась именно теперь?

Когда я в последний раз приносила цветы на его могилу?

Лудивина тряхнула головой. Нужно было найти себе оправдание.

Она снова посмотрела на календарь.

3/5.

Похоже на формулу ее душевного здоровья. Или на уравнение силы сопротивления безумию. Говноотстойник заполнен на три пятых, пора задуматься о том, куда все это слить. И как.

Она возобновила занятия спортом, лучшими боевыми искусствами – джиу-джитсу, кравмага⁶, – посвящала тренировкам несколько вечеров в неделю, чтобы выпустить пар и развеяться. Еще ходила в стрелковый клуб, хотела превратить себя в совершенную боевую машину, неуязвимую, не ведающую сомнений. Но всего этого оказалось недостаточно. С самого начала ей было ясно: доводить себя до физического и умственного изнеможения – это не терапия, а способ кратковременного снятия симптомов.

Н надо поработать. Уйти в расследования с головой – это принесет облегчение.

Лудивина забросила маркер на холодильник.

Все полтора года она изучала психологию самых извращенных убийц. Читала книги, слушала публичные лекции, ходила на вечерние курсы, чтобы понять, определить для себя раз и навсегда, с чем имеет дело. Знание – как таблетка успокоительного. Все выяснить, чтобы успокоиться. В свое время она столкнулась с худшими преступниками и, чтобы избавиться от их призраков, решила препарировать души. Сделать вскрытие и посмотреть, как там все устроено. Это должно было унять ее тревоги, рассеять кошмары, дать возможность увидеть в клиническом, научном свете свой почти детский страх перед чудовищами. Это означало справиться с чувствами, подавить неврозы и преобразовать энергию ужаса в чистое знание. От эмоционального восприятия перейти к сухой аналитике.

Но эмоции часто брали верх, они выскакивали как черт из табакерки, требовали капризов, желаний, впечатлений. Нельзя вот так просто задушить в себе то, что делает тебя живым существом. Вроде бы должно стать гораздо лучше, но это слишком больно.

Наставник ей сказал: чтобы понять демонов, нужно изучить их сумрачный мир, темную сторону, на которой они живут. А путешествия на ту сторону не обходятся без риска.

На журнальном столике в гостиной запел и завибрировал мобильный телефон. Звонил Сеньон, ее напарник.

– Птичка моя, у нас сегодня полевые стрельбы, – сразу обрадовал он.

– Что случилось?

⁵ См. роман Максима Шаттама «Первобытное зло» (*La Conjuratıon primitive*).

⁶ Крав-мага – израильская военная система рукопашного боя.

– Ночью ожидается гоу-фаст⁷, ребята из Бригады по борьбе с наркотиками перехватили инфу на прослушке. ГВНЖ⁸ загружена под завязку, они не могут отреагировать так быстро, а полковник не хочет лишить нас всех заслуженных лавров, так что мы все участвуем. Рандеву в двадцать ноль-ноль на летучке.

«А дела-то налаживаются», – подумала Лудивина.

Помощь бригаде по борьбе с наркотиками не относилась к числу ее любимых занятий, но оперативная работа сейчас не повредит. Даже будет очень кстати. И потом, нужно взглянуть правде в глаза: расследования вроде того, которое ей довелось пережить, работая над делом Герта Брюссена и Маркуса Локарда, случаются раз в столетие. Это было фантастическое дело, рядом с ним любое раскрытие убийства теперь кажется ей банальным. Но жизнь-то продолжается, надо находить интерес в «мелочах», в рутине и повседневности, а уж это она умеет и не раз демонстрировала свое умение себе и окружающим. Если ей удастся сосредоточиться на каком-нибудь деле, оно сразу становится для нее самым главным, и тогда уж она может вцепиться в него покрепче, чем голодный питбуль в мясную кость.

Гоу-фаст, значит. Ничему подобному она еще не была свидетельницей, для нее это будет премьера, но о таком способе наркотрафика часто рассказывали сотрудники Парижского отдела расследований жандармерии. По ночам машины с дурью мчатся на запредельной скорости, чтобы поскорее проскочить трассу, – одна машина впереди, с разведчиками, которые, если что, сообщат о присутствии фликов⁹, и вторая, с грузом, в нескольких километрах позади. Обе выжимают 200 с лишним км/ч. Перехват таких курьеров – сложнейшая операция, которую надо проводить с хирургической точностью, без права на ошибку. По-другому на таких скоростях нельзя.

Это будет отличный опыт. И возможность хорошенько прочистить мозги.

Лудивина растянулась на софе, прислушиваясь к глухой боли в висках.

У нее еще полдня на то, чтобы прийти в себя.

Более чем достаточно.

⁷ Go-fast (англ.) – здесь: гонка, скоростной пробег.

⁸ ГВНЖ – Группа вмешательства Национальной жандармерии Франции (антитеррористический спецназ).

⁹ Флик – самое распространенное во Франции прозвище полицейского.

2

Конусы света стремительно скользили по дорожному полотну, вычерчивая желтую линию – санитарный кордон, отделяющий эту скоростную зону от незыблемой, безмятежной тьмы вокруг. Огоньки задних фар машин смазывались влево, рассеянные тьмой и скоростью.

Три матово-черных «Порше Кайен GTS» парижской жандармерии двигались по трассе А1, почти неразличимые даже в пятнах фонарей, готовые без усилий нагнать и атаковать цель. Все три автомобиля были конфискованы у наркоторговцев и в соответствии с недавним законом переданы силовым структурам для того, чтобы те могли бить врага его же оружием.

Лудивина подергала ворот бронежилета с белыми надписями «ЖАНДАРМЕРИЯ» на животе и спине – он сидел неудобно, давил на грудь – и пошевелила пальцами в новеньких ботинках «Гортекс», которые специально надела из-за подошв, обеспечивающих надежное сцепление с асфальтом. Вместе с ней в «кайене» находились еще трое в таких же жилетах и с теми же табельными пистолетами; в контейнере лежали помповые ружья. Все ее напарники были из Бригады по борьбе с наркотиками Парижского ОР¹⁰. Полковник сидел в первом «кайене», Сеньон – в том, что замыкал колонну.

Летучка, состоявшаяся чуть раньше, была, как и полагается, короткой и ясной. Из перехваченных телефонных переговоров стало известно, что этой ночью ожидается переброска большой партии наркотиков из Лилля. За преступной группировкой следили три месяца, и вот вдруг выпала такая удача – возможность провести максимальное количество арестов за несколько часов. Эти перевозчики – крупная рыба, сказал полковник. Цель – взять их на месте преступления, чтобы сразу засадить за решетку. Остальных членов наркосети арестуют по квартирам коллеги из бригады завтра в шесть утра.

Вопреки тому, что думала Лудивина, гоу-фасты редко проходили на рискованной скорости – бандиты перевозили товар на мощных автомобилях, способных в критических ситуациях выдать максимум и оторваться от полицейских или от устроивших засаду конкурентов, но большую часть пути они проезжали на допустимой скорости, чтобы не привлекать к себе внимания, и обязательно с машиной-разведчиком впереди. Полковник все объяснил подробно. Во время полицейских операций разведчика часто пропускали, чтобы не всполошились его подельники в автомобиле с грузом наркотиков. Потом его перехватывали полицейские на мотоциклах или арестовывали на следующий день дома. Но на этот раз команде Лудивины было поручено разведчика остановить, и в помощь им дали двух мотоциклистов из моторизированной бригады ОР. То есть Лудивина не участвовала в главных событиях, и ее это нервировало.

– Где мотоциклисты? – спросила она.

– В сторонке, их не видно отсюда. Появятся по нашему требованию, – отозвался Ив с пассажирского сиденья впереди нее. – Еще четыре наши машины ждут на пункте сбора пошлины за проезд. Обдерем клиентов до нитки.

Ив служил в Бригаде по борьбе с наркотиками. Щедрая россыпь веснушек, глубокие морщины по уголкам глаз; жесткие черные волосы, прошитые сединой, больше всего заметной в короткой бородачке, и пристальный взгляд темных глаз, густо-карих, гуще самого крепкого кофе.

Рация на коленях Ива затрещала, и донесся голос полковника:

– Они только что проехали перекресток с магистралью А29, срочно занимаем позиции.

Три «кайена» одновременно прибавили скорость под ворчание восьмицилиндровых двигателей, загудевших, когда машины стремительно понеслись по асфальту.

¹⁰ ОР – Отдел расследований Национальной жандармерии (уголовный розыск).

Рация опять принялась потрескивать.

– Ив, отделитесь от группы на ближайшем съезде, готовьтесь к перехвату разведчика.

– Понял.

Их автомобиль промчался несколько километров, свернул на пандус и проехал по мосту над дорожной развилкой – у спуска на встречную полосу ждали двое мотожандармов. Ив вышел переговорить с ними и вскоре вернулся на пассажирское сиденье.

– Теперь слушаем шоу по рации и готовимся выйти на сцену по сигналу, – сказал он сухо.

Не прошло и десяти минут, как полковник сообщил о том, что они заняли позиции на пункте сбора пошлыны. Ив сделал знак Арно, водителю, тот кивнул и открыл контейнер с тяжелым оружием. Одно помповое ружье он протянул Иву, второе – Лудивине:

– Знаешь, как с этим обращаться?

– Я предпочитаю свой девятимиллиметровый, – сказала она, хлопнув себя по бедру – к поясу джинсов была пристегнута кобура с ее «зиг-зауэром». – Точность и скорострельность.

Арно в знак одобрения качнул бритой головой – такая радикальная стрижка была способом скрыть раннюю лысину – и передал оружие третьему пассажиру. Франк, подхватив «помпу», сразу удостоверился, что она заряжена красным патроном.

– Разведчик только что миновал нашу позицию. Повторяю: разведчик прошел мимо нас. Ив, как слышно?

– Громко и четко.

– Подтверждаю: серый «фольксваген туарег» с тонированными стеклами. Доберется до вас через десять минут, будьте наготове. Но не трогайте его, пока мы не возьмем машину с грузом!

– Все понял.

Арно посигналил фарами мотоциклистам. Один из них взял бинокль, спустился к подножию моста и, укрывшись за кустами, принялся следить за приближающимися по автостраде машинами.

Лудивина чувствовала, как нарастает нервное напряжение. Давление повышалось, сердце ускоряло ритм с каждой минутой, приводя организм в нужное состояние. Все дело в психологической подготовке, повторяла она себе. Быть готовой к нужному моменту – значит действовать безошибочно, когда он настанет. Не позволить эмоциям взять верх; надо сконцентрироваться на целях, обстоятельствах, окружающей обстановке, проанализировать все данные и действовать адекватно, идти в атаку, как раньше требовало искусство войны.

В тишине, в уютном мягком салоне «кайена», окутанном ночной темнотой, глядя на гипнотизирующий поток огней, проносящихся внизу по автостраде, было проще задремать, чем подготовиться к молниеносному задержанию. Даже не верилось, что с минуты на минуту все придет в бешеное движение. Но Лудивина знала, что так и будет, и произойдет это стремительно: резкий старт, ускорение, вой сирены и отблески мигалки, они выскочат из «кайена» с оружием, нацеленным на «туарег», сделают предупредительные окрики, наденут наручники на сжатые кулаки, дождутся коллег, чтобы передать им задержанных... Стремительно и безразлично, потому что главную работу выполняют другие – на предыдущем этапе, у пункта сбора дорожной пошлыны.

По кабине вдруг раскатился громкий голос полковника:

– Цель приближается! Они только что миновали последний мост! Всем группам готовность номер один!

Через две минуты он уже кричал:

– Они здесь! Черный внедорожник в левом ряду! Go! Go-go-go-go-go!¹¹ Берем их! Берем!

¹¹ Вперед! Пошли-пошли-пошли! (англ.)

Три минуты ожидания. Нескончаемые три минуты. Тишина, кишащая сотней вопросов, предположений и тревог.

И наконец долгожданное избавление:

– Мы их взяли. Вся компания на асфальте в браслетах.

Всеобщий вздох облегчения в «кайене». На пару секунд можно расслабиться, прежде чем концентрироваться на собственной миссии. Их задание еще не выполнено.

– Даже не сопротивлялись, – продолжал полковник по рации. – Не волки, а жалкие бараны. Ив, берите разведчика.

– Принято, начинаем.

Жандарм с биноклем выскочил из своего укрытия и бегом бросился к мотоциклу. Поравнявшись с «кайеном», он махнул в сторону автострады и, едва оседлав боевого коня, рванул с места. Напарник последовал его примеру – два мотоцикла понеслись вниз по пандусу, полосуюя ночь светом мигалок.

Мотор взревел, и полноприводный «порше кайен» стартовал так, что всех пассажиров вжало в спинки сидений.

Серый «туарег» показался справа, и почти сразу с идеальной синхронностью его взяли с двух сторон в тиски мотожандармы. Картинка словно застыла секунд на пятнадцать – «туарег» не прибавил скорость, но и не сбросил, ехал по прямой, вопреки знакам мотоциклистов перестроиться в правый ряд. И вдруг он резко рванул вперед так, что кузов просел от ускорения.

– Суки! – взревел Арно за рулем «кайена». – Уходят!

– Давай за ними! – приказал Ив.

Восьмицилиндровый двигатель мощно загудел, «кайен» рванул в погоню за беглецами. Впереди один из мотожандармов обогнал «туарег» и плавно переместился на его траекторию – хотел таким образом заставить водителя снизить скорость, но машина-разведчик продолжала мчаться на полной, вынудив мотоциклиста тоже прибавить газу, чтобы не попасть под колеса.

– Машина уходит, мы у нее на хвосте, – сообщил Ив по рации.

– Если движение на автостраде станет интенсивнее, прекращайте преследование! Вы меня поняли? Мне тут глупости не нужны. Ничего страшного, потом в городе их возьмем.

Лудивина, крепко держась за дверную ручку, бросила взгляд на дорогу – в этот час ночи трафик был скорее слабым.

– Да что у них там под капотом? Гонят как сумасшедшие! – обеспокоенно сказал Арно. – Двигатель фабричной сборки такую скорость не выдает. Похоже, тачка прокачана.

– Нельзя их упустить! Обходи справа, – велел Ив водителю.

Все 420 лошадиных сил «кайена» поднатужились, и стрелки на приборной панели весело скакнули за отметку 250 км/ч. Двое мотожандармов уже отстали, не решившись соперничать с двумя мощными полноприводными внедорожниками, оснащенными турбонагнетателями.

– Нас облапошили, – объявил вдруг полковник. – Груза во второй машине нет.

Ив, который тоже держался за дверь, второй рукой поднес рацию ко рту:

– Вы уверены? Хорошо искали?

– Разумеется. Даже кинологи не помогли – собака ничего не унюхала.

Арно, не выпуская руль, озадачился:

– Если во второй тачке пусто, тогда почему эти дебилы от нас удирают? Это же глу...

Все поняли одновременно, что происходит. Ив ткнул рацией в сторону «туарега»:

– Товар там! Спецом поменяли машины местами, чтобы нас обойти!

«Порше кайен» со свистом рассекал ночную тьму, его мощностей вполне хватало, чтобы достичь скорости «туарега», но, пока беглецы были впереди, Арно держал стрелку спидометра на их уровне. Позади него Франк направил дуло помпового ружья на заднее стекло «туарега». «Кортеж» замыкали мотожандармы – они обеспечивали безопасную зону, заставляя легкового и грузовики держаться подальше.

– Сейчас мы их сделаем! – возбужденно воскликнул Арно. – Сделаем!

Мотор «кайена» привычно взревел. Арно мгновенно обогнал машину-разведчик и помчался впереди, виляя из стороны в сторону – давал понять, что у преследуемых больше нет путей для бегства.

«Туарег» начал потихоньку сбрасывать скорость уже под конвоем жандармского автомобиля, и они медленно переместились к полосе аварийной остановки; тут подтянулись и оба мотоциклиста.

Едва «кайен» затормозил, трое жандармов выскочили на асфальт, оставив Арно на посту за рулем; дула ружей смотрели в лобовое стекло «туарега»; мигалки мотоциклов заливали его кузов синеватым светом; мимо в темноте, не снижая скорости, скользили тени автомобилей, пронесившихся по автостраде.

– Жандармерия! Глушите мотор! – крикнул Ив, обращаясь к водителю «туарега».

Но гул дорожного движения перекрыл его голос, а сквозь тонированные стекла нельзя было различить, сколько человек внутри и услышано ли предупреждение.

Лудивина отошла чуть подальше вдоль барьерного ограждения, чтобы свет фар не бил в лицо. Ствол ее «зиг-зауэра» смотрел туда, где в «туареге» должно было находиться переднее пассажирское кресло. Палец готов был при малейшей провокации дернуть спусковой крючок – речь шла о жизни коллег и о ее собственной, поэтому реагировать нужно было мгновенно, без колебаний, так, чтобы никто из своих не попал под пули бандитов.

«Спокойно, Лулу», – приказала она себе.

Не хватало еще, чтобы взвинченные нервы заставили ее спустить курок в ответ на выхлоп какой-нибудь проезжающей машины.

– Глушите мотор! – повторил Ив, указав стволом ружья на капот. – И выходите! Медленно!

Но пассажиры «туарега» на приказ никак не отреагировали. Похоже, колебались.

Просчитывают варианты? А какие у них могут быть варианты? Скверно. Очень скверно.

Лудивина крепче сжала рукоятку оружия. Если придется открыть огонь, она сумеет выстрелить мгновенно и с предельной точностью. Но открыть огонь жандарм имеет право, только если преследуемый сделает это первым. А в таких условиях все может закончиться бойней. Ситуация действительно скверная. Очень. Они не подготовлены к такому захвату, их для этого слишком мало.

Ведь предполагалось, что это просто-напросто машина-разведчик, мать вашу!

Мотоциклисты не шевелились. Оба целились из пистолетов в багажник «туарега», и находились они почти напротив троих жандармов.

В случае паники мы просто перестреляем друг друга!

Лудивина осторожно переступила через барьерное ограждение, чтобы отойти в сторону еще на метр, и медленно двинулась вперед, не отрывая взгляда от лобового стекла «туарега». Она возьмет на себя того, кто первым откроет дверцу с ее стороны.

Мотор «туарега» вдруг заглох, и уровень нервного напряжения немного снизился. Это был уже первый признак капитуляции.

– Выходите! – рявкнул Ив. – Без резких движений!

Дверца со стороны Лудивины начала медленно открываться, и та сразу крикнула:

– Руки на затылок!

На асфальт ступила одна нога – Лудивина увидела белый кед и над ним край широкой джинсовой штанины. Потом бандит показался целиком с поднятыми над взлохмаченной головой руками. Лудивина заметила, что то же самое происходит со стороны водительского сиденья, услышала голос Франка, выкрикивающего приказы – едва различимо за оглушительным ревом грузовиков, которые в этот момент пронеслись мимо по автостраде.

Мужчине, стоявшему перед Лудивиной, было на вид за тридцать. Худой, с провалившимися щеками. Помимо кедров и джинсов, одет в черный бомбер с белыми рукавами. Взгляд ярко-голубых глаз – пронзительный, ледяной и решительный. Внешность – строгая и суровая. *Да уж, не ангельский вид. Даже наоборот.* Глаза были слишком уж грозными, в них читалась ненависть – явно не пригородная шпана, которая выпендривается перед своей бандой. Этот человек представлял собой серьезную угрозу. Такие способны на все, они идут до конца, но только если того требует случай. Лудивина не сомневалась, что при других обстоятельствах он, не колеблясь ни секунды, разрядил бы в нее пушку, чтобы сбежать.

– Отойди от машины! – приказала она. – Держи руки на затылке!

Один из мотожандармов бросился ей на подмогу, и, когда он оказался рядом, Лудивина, которую никто не назвал бы трусихой, почувствовала облегчение. Пока задержанный был на мушке у ее коллеги, она убрала «зиг-зауэр» в кобуру и достала наручники.

– Повернись. На колени. Ну! Живо!

Мужчина в бомбере полоснул по ней ледяным взглядом, и, прежде чем он подчинился, уголки его губ дрогнули в презрительной усмешке.

Защелкнув один браслет на его правом запястье, Лудивина заломила ему руку за спину, чтобы обездвигнуть. Надев второй браслет, сделала знак мотожандарму присматривать за арестованным, а сама огляделась, оценивая общий расклад.

Водитель тоже уже был в наручниках, его охранял Франк. Ив осторожно открыл багажник «туарега». Лудивина встала чуть поодаль, держа руку на кобуре и готовая в любой момент выхватить пистолет. Фары двух мотоциклов осветили нутро «туарега».

Пусто. Там не было ни контейнера, ни чемодана, ни спортивной сумки – ничего такого, в чем можно перевозить наркотики.

– Вот дерьмо, – буркнул Ив.

– И какого черта они тогда ударили? – подумала вслух Лудивина. – Может, сами под кайфом?

Ее внимание привлекло какое-то движение с правого бока машины. Вдруг задняя пассажирская дверца резко распахнулась, оттуда рванула тень и бросилась через ограждение.

– Эй! – заорала Лудивина, бросаясь в погоню.

Темная фигура изо всех сил мчалась вверх по склону, поросшему травой. В руке у беглеца была спортивная сумка. Лудивина слышала, как Ив выкрикнул ее имя, но не позволила себе терять время – бандит и не думал останавливаться, а верхушки деревьев, которые маячили над кромкой откоса, не предвещали ничего хорошего: если ему удастся добраться до леса, найти его там посреди ночи будет невозможно.

Лудивина поднималась по склону, вонзая мыски ботинок в мягкую рыхлую землю, чтобы не соскользнуть, и старалась ступать как можно быстрее. Беглец не реагировал на требования остановиться, которые она выкрикивала, – знал, что никто не решится стрелять ему в спину. Лудивина, как хорошая спортсменка, набирала скорость, стараясь дышать размеренно. Она уже приловчилась удерживать равновесие и огибать кусты, но мысленно проклинала свои «гортексы» – в них по траве получалось бежать медленнее, чем в кедах. И все же она неуклонно сокращала дистанцию – человек впереди бежал кое-как, ему мешала сумка в руке.

Там дурь! Он удирает с товаром!

Деревья на вершине откоса становились все выше, темная стена леса раскачивалась на ночном ветру. Лудивина собрала все силы и прибавила скорости. Мышцы бедер и ягодиц исправно работали, сокращаясь и расслабляясь по очереди, икры были крепче стали, она поднималась по склону быстрее, чем преследуемый бандит. Его темный силуэт маячил уже всего лишь в нескольких метрах впереди – паника и тяжелая сумка мешали ему сосредоточиться.

Лудивина, в отличие от него, дышала ровно и двигалась методично. Разогретые мышцы несли ее к цели. Она уже почти могла дотянуться до беглеца.

Почувствовав спиной, что преследовательница совсем близко, мужчина вдруг резко вернулся, одновременно приготовившись нанести ей прямой удар в челюсть. Лудивина увидела черное лицо с огромными белками глаз и приближающийся кулак. Она, не снижая скорости, прикрыла голову предплечьем и с разбега врезалась в беглеца, намеренно сбив его с ног. Они оба упали и откатились в разные стороны. Лудивина успела вскочить как раз вовремя для того, чтобы опять увидеть кулак, летящий в ее направлении. Движением таза отклониться назад, открытой ладонью отвести кулак противника, качнуться вперед и нанести удар локтем. Точно рассчитать атаку не было времени – локоть задел бандита по лбу, он схватил ее за ворот бронежилета и швырнул на землю. Лудивина упала навзничь. Теперь можно было рассмотреть врага: это был здоровенный парень с лицом чернее ночи, и в действиях его сквозила та же решимость, что и в глазах подельника из «туарега». Парень хотел ударить ее ногой, но Лудивина откатилась, и мысок кеда лишь скользнул по бронежилету. Одним прыжком она оказалась на ногах, одновременно пытаясь унять учатившееся дыхание, чтобы излишек кислорода не лишил ее способности ясно соображать.

– Убью, сука, – процедил сквозь зубы беглец, доставая из кармана нож со стопором.

«Он задыхается», – отметила про себя Лудивина в тот момент, когда парень бросился на нее, выставив лезвие перед собой.

Движение тазом, чтобы уклониться. Удар ладонью в предплечье, чтобы отвести оружие. Качнуться назад, восстанавливая равновесие. Упор на одну ногу, мах бедром второй ноги, мощный удар коленом в поясницу. Сжать кулак, прицелиться в челюсть, выкинуть руку вперед – как будто отпустить натянутую резинку – для короткого, точного удара. Прямое попадание. Без паузы задействовать вторую руку – удар в лицо. И напоследок – тычок в шею. Заметить, что рука с ножом в пределах досягаемости, перехватить ее на уровне сустава, зажать, как в тисках, крутануть в сторону, противоположную естественному сгибу, провернуть. Хруст. Крик. Удар ступней под колено – резкий, жесткий, чтобы заставить ногу противника согнуться. Добыча падает на колени. Заломить руку за спину. Почувствовав сопротивление, сделать еще один мах бедром и припечатать коленом скулу. Не разжимать хватку на кисти, хотя его тело заваливается набок. Схватить за ворот другой рукой. Заломить локоть сильнее и обездвижить противника. Грубо толкнуть вперед, уложить ничком, впечатать морду в грязь, коленом придавить позвоночник. Вторую ногу отвести в сторону, упереть в землю, чтобы сохранить равновесие...

Преследуемый обездвижен и стонет.

Все это время Лудивина наносила удары, не чувствуя сомнений, не задаваясь вопросами. Как робот. Сейчас она заметила, что плечо парня выглядит странно – сустав был вывихнут, и он вскрикивал каждый раз, когда Лудивина сильнее сжимала его руку, заломленную за спину. Она достала вторую пару наручников и защелкнула их на кистях парня. Теперь уже никуда не денется.

Она встала, стараясь восстановить дыхание, и одновременно огляделась в поисках сумки. Все произошло очень быстро – Ив все еще поднимался по склону, выкрикивая ее имя. Лудивина помахала ему рукой, обозначая свое местоположение. Круги света от фар «кайна», тонущие в синеватом сиянии мигалок мотоциклов, казались бесконечно далекими.

Сумка валялась в траве совсем рядом.

Только бы там оказалась дурь. Если я переломала этому чуваку кости ни за что, проблем не оберешься...

Лудивина подняла сумку и удивилась ее весу.

Килограммов десять. Надеюсь, в ней порошок. Если так, это будет большой улов. Просто огромный.

Она поставила сумку обратно на траву, расстегнула «молнию» и развела в стороны боковые стенки.

Там были пластиковые пакеты, но слишком большие для упаковки наркотиков, и содержимое их было темнее. Янтарного цвета. Лудивина пошарила в сумке рукой – дюжина пакетов, не меньше, и все довольно крупные и тяжелые. Достала один, размером с небольшой постер, и с первого взгляда не поняла, что в нем такое – какая-то тряпка с темной каймой по неровным краям...

Убедившись, что пленник по-прежнему валяется, постанывая, на земле, она достала из кармана фонарик.

Белесый луч высветил синеватый рисунок – рыбу – на бледно-оранжевом фоне, а по краю шла полоса цвета засохшей крови.

Похоже на...

Татуировка. Это была татуировка в окружении родинок и веснушек. В пакете лежал кусок человеческой кожи. Судя по размеру, со спины.

Лудивина болезненно сглотнула. И наклонилась поближе к сумке, чтобы лучше рассмотреть содержимое.

Во всех пакетах был один и тот же товар.

Фрагменты человеческой кожи. В основном белой. Достав пакетик потоньше, Лудивина в этом уже не сомневалась.

Человеческое лицо – обезображенное, плоское, без рельефа, со складкой на месте носа и небольшими утолщениями там, где должны находиться губы.

Маска, под которой ничего не было, смотрела на нее пустыми орбитами глаз.

3

Парижский институт судебно-медицинской экспертизы походил на небольшую крепость девятнадцатого века. Первый ярус, коричневый, почти черный, наполовину врытый в землю и окнами выходивший на Сену, был отведен под гигантские холодильники и прозекторские, соединенные целой сетью неуютных коридоров с плохой вентиляцией. Выше находился второй ярус – из красной кирпичной кладки, продырявленной высокими окнами, а над ним, на крыше, из строительных белых блоков был собран третий, с кабинетами и лабораториями. Все это было построено для того, чтобы стать хранилищем страшных тайн. Здесь обустроилась смерть, разложив повсюду свои секреты – они таились во взрезанных грудных клетках, вскрытых дуговой пилой черепных коробках, в рассеченном скальпелями эпидермисе; поблескивали в телесных жидкостях под бесстыдным светом хирургических ламп. Они хранили горькую истину: смерть лишает индивидуальности тех, к кому прикасается, трансформирует их в объекты, превращает в предметы. Плоть становится мясом, имена – порядковыми номерами, раны – уликами, тела – скелетами, люди – воспоминаниями. Человек растворяется в небытии, от него остается призрак, которого удерживает от полного исчезновения лишь память тех, кто знал его при жизни. Здесь больше, чем где-либо, эта мрачная очевидность бросалась в глаза, денно и ночью, без передышки, подтверждаемая зловещей алхимией.

Лудивина и Сеньон стояли на нижнем ярусе в холодном помещении без окон со старой побелкой. Было раннее утро, Сеньон держал в руке бумажный стакан с кофе из «Старбакс», который он так ни разу и не поднес к губам с тех пор, как они вошли в здание. На фоне здорового мускулистого коллеги, чья черная кожа будто впитывала неоновый свет, Лудивина казалась хрупкой, почти несуществующей. Они были при исполнении, но, как и большинство сотрудников Парижского отдела расследований Национальной жандармерии, чаще работали в гражданском. Сегодня Сеньон был в серой толстовке с капюшоном и спортивных штанах, а Лудивина – в джинсах и бледно-розовом мохеровом свитере. Они походили на случайных посетителей, на туристов, заблудившихся среди тел, накрытых простынями.

На столах из нержавеющей стали были аккуратно разложены куски кожи, изъятые несколько часов назад. Гладкая поверхность отражала холодный яркий свет. Все вместе это напоминало причудливый тошнотворный пазл. В сумке наркоторговцев нашлось четырнадцать фрагментов. Самые маленькие представляли собой лица. Три плоские нелепые маски с опущенными веками и приоткрытыми ртами, без волос и ушей, пародии на человеческий облик. Самые большие куски кожи были срезаны со спин и животов; в последних были дырки на месте сосков и закрученные складки на уровне пупка. Мужчина и две женщины – это можно было заключить по паре отвисших складок на двух фрагментах с груди.

– После анализа ДНК мы будем точно знать, сколько тут человек, – сказал судмедэксперт с черной бородкой. – Но на первый взгляд, судя по стыкам этих фрагментов и цвету кожи, их трое. Это пока мое предварительное мнение, не принимайте его за официальное заключение, однако думаю, оно подтвердится. Вряд ли тут стоит ожидать сюрпризов.

– Здесь кожа со всех участков тела? – спросила Лудивина.

– Нет, но почти. Не хватает нескольких фрагментов с шеи, рук, гениталий, колен и ступней – в общем, всего того, что трудно срезать. И еще отсутствуют скальпы.

– Это профессиональная работа?

– По крайней мере, очень аккуратная. Тут не надо быть хирургом. Человек без особых навыков, если он не брезглив и у него в распоряжении имелось достаточно времени, вполне мог не торопясь снять весь эпидермис. Здесь много следов лезвия – определенно либо скальпеля, либо бритвы. Кто-то действовал методично, небольшими надрезами. Не то чтобы ювелирная

работа, но исполнитель позаботился о том, чтобы срезать кожу как можно ровнее и крупными кусками. В общем, получилось недурно.

– Недурно? – переспросил Сеньон, поморщившись.

– Да. То есть я хочу сказать, что работа проделана тщательно, – с некоторой неловкостью поправился судмедэксперт. – Кроме того, вся кожа гладко выбрита и натерта чем-то вроде воска – узнаем точнее, когда получим результаты химического анализа. Думаю, это было сделано для того, чтобы остановить размножение бактерий.

– То есть кожу хотели сохранить надолго? – догадался Сеньон.

Судмедэксперт кивнул.

– А наркотиков вы в этих пакетах не нашли? – спросила Лудивина. – Сумку мы изъяли у драгдилеров, должна же быть причина, по которой она у них оказалась.

– Мне так и сказали, когда ее привезли, только я ничего похожего не обнаружил. Мы даже на всякий случай просветили кожу рентгеном, но это опять же ничего не дало. Еще я взял пробы и провел тесты с реактивами на самые распространенные виды наркотических веществ – ни одной положительной реакции.

– А сколько времени займет анализ ДНК?

– Честно говоря, я собирался заняться этим сегодня утром, но потом сюда начали свозить трупы, так что ваше дело пришлось отложить.

– Какие трупы? – удивилась Лудивина.

– Нам на экспертизу передали останки некоторых погибших во время бойни в скоростном поезде.

Лудивина повернулась к Сеньону и, нахмурившись, воззрилась на него.

– Что? – удивился он в свою очередь. – Ты разве не в курсе насчет вчерашней мясорубки? С луны свалилась? Об этом трубят в новостях по всем каналам!

– Я два дня не включала телевизор. Так что это было? Террористическая атака? – недоверчиво спросила Лудивина.

– Нет. Очевидно, двое подростков все устроили, сами по себе.

– Много жертв?

– Пятьдесят три погибших и два десятка раненых, многие из них в тяжелом состоянии.

– Ох черт...

– Вот именно.

– В общем, нас завалили останками по самое некуда, простите за выражение, – снова заговорил судмедэксперт. – И сами понимаете, при таком пристальном внимании журналистов и политиков для нас это дело будет приоритетным как минимум неделю, а то и месяц. Все остальные дела задвигаем на второй план, хотя останки разделили между нашим институтом, клиникой в Гарше и некоторыми другими.

Двое жандармов с неодобрением смотрели на судмедэксперта. Узкая бородка и крошечные, близко посаженные глазки делали его неприятно похожим на куницу.

– Ладно, – вздохнула Лудивина. – А на этой коже, кроме татуировок и воска, есть что-нибудь особенное?

– Ни шрамов, ни пирсинга. Такого нет, но...

– Есть что-то другое?

Судмедэксперт поскреб бородку и подошел ближе к столу с кусками эпидермиса.

– Видите метку, вот здесь? – Он указал на квадратный сантиметр кожи в самом низу фрагмента, соответствовавшего бедренной части.

– И что это? – спросила Лудивина, тоже наклонившись над столом.

Судмедэксперт протянул ей лупу, и она увидела впечатанный в дерму штамп круглой формы... Смайлик. Такими мордажами пестрят тексты в Интернете и мессенджерах.

– Это именно то, что я думаю?..

– Посмотрите повнимательнее на правый глаз, – сказал судмедэксперт.

Лудивина пригляделась – правый глаз смайлика был явно меньше, чем левый, и похож на черточку...

– Он подмигивает!

– Такой логотип есть на каждом фрагменте кожи, всегда внизу справа.

– Их нанесли после смерти, я полагаю?

– Этого пока не могу сказать, но, если вас интересует мое неофициальное мнение, – сомневаюсь, что жертвы разрисовали себя смайликами в разных местах при жизни. Скорее, тип, который их освежевал, решил промаркировать свою работу, чтобы упростить атрибуцию.

– Поставил клеймо, как на животных, – попытожил Сеньон.

– Или печать, как на товарах в супермаркете, – добавил судмедэксперт. – Своего рода знак качества...

Двое жандармов уставились на него, но он лишь пожал плечами.

* * *

Лудивина и Сеньон шагали к своей машине под гул просыпавшегося Парижа и грохот наземного метро.

– Значит, мы имеем дело с извращенцем, – констатировал здоровяк.

– Ты о добром докторе или о свежевателе?

Сеньон хмыкнул.

– А ты со мной не согласна? Насчет второго?

– Это явно не в стиле наркоторговцев, у нас тут не мексиканский картель. Никогда не слышала, чтобы во Франции драгдилеры сдирали кожу с конкурентов. Вот это меня больше всего и озадачивает. Такая методичная, требующая времени работа...

– И забота о том, чтобы ее сохранить, – подхватил Сеньон. – Что за бредовая идея?

– Они перевозили эту сумку в точности так, как привыкли переправлять партии наркотиков, – продолжала Лудивина. – И один из них пытался сбежать вместе с ней. То есть товар явно для них важен. Не понимаю пока, в чем дело, но что-то тут не так.

У нее в кармане завибрировал мобильный телефон.

– Слушаю, полковник.

– Что-нибудь выяснили у судмедэксперта, Ванкер?

– Он ждет результатов анализов ДНК, но предположительно у нас три жертвы.

– Есть вероятность, что они живы?

Лудивина замедлила шаг.

– Э-э... признаться, мне не пришло в голову об этом спросить... По-моему, такое просто невозможно – с них ведь срезали шестьдесят девять процентов кожи!

– Ванкер, мне нужно точно знать, неотложное это дело или нет. Что мы ищем? Троих несчастных, освежеванных заживо людей, которые ждут помощи, агонизируя где-нибудь в подвале, или три трупа?

– Я склоняюсь ко второму варианту. Никто не мог выжить при таких обстоятельствах.

– Мне нужен документ, подписанный рукой судмедэксперта. Не хочу оказаться по уши в дерьме, если выяснится, что кто-то из них прожил какое-то время, а мы ничего не сделали.

– Увы, этого не случится, но документ я раздобуду. Задержанные уже дали показания?

– Нет. Сидят тут, как манекены, ни слова не обронили.

– Полковник, я хочу, чтобы это расследование немедленно поручили мне.

– Всему свое время, Ванкер.

– Если в деле три трупа – значит, им занимаемся мы, а не Бригада по борьбе с наркотиками. Назначьте меня ответственной.

- Дайте мне сначала самому во всем разобраться, потом обсудим ваше назначение.
 - Не люблю ломиться в закрытые двери, да и вообще навязываться, но я лучший кандидат, и вы об этом знаете. Я живу ради таких дел.
 - Да вы ж не просто в дверь ломитесь, вы стены сносите...
 - Убийства такого рода – моя специализация.
 - Ванкер...
 - Да, полковник?
 - Как вы меня достали своей одержимостью...
- Шеф повесил трубку.

А Лудивина обиделась. Она не считала себя *одержимой* – зачем же так преувеличивать? Ну да, подготовилась, хорошо изучила тему – это же вполне естественно после того, что ей пришлось пережить в работе над делом Брюссена и Локарда. Она видела, как погибают ее коллеги – некоторые умерли у нее на руках; она преследовала убийц, психопатов, попадала в самые жуткие ситуации.

Разумеется, все это легло в основу ее пристального интереса к неординарным преступлениям и вызвало осознанное желание лучше понять психологию убийц, прежде всего садистов. Да, она охотно признает: за прошедшие полтора года прочитала все, что написано по этому вопросу, ходила на курсы и совершенствовала свои навыки под руководством первоклассного криминолога. Но делать из этого вывод, что она...

Ладно, допустим, я одержимая. Ну и что? Вполне объяснимо. Разве нет?

Полтора года она делала все, чтобы заполучить самые гнусные дела, и в каждом расследовании проявила себя как способный и хладнокровный детектив высочайшего уровня. Хотя все эти дела казались ей почти банальными.

Да, может, она и одержимая.

Но это лишь добавляет ей компетентности. Значительно увеличивает КПД.

4

Новостные телеканалы непрерывно крутили одни и те же кадры. Вид с воздуха: скоростной поезд стоит за городом на фоне светлых полей. Длинная стальная полоса на земле, по бокам которой растет пушистый золотой вереск, дрожащий от легкого ветерка. Сразу бросаются в глаза темные пятна, разбросанные вдоль состава. Их десятки. Словно выжженные участки в траве, следы таинственного возгорания. Над каждым из них хлопочут люди в медицинских халатах. Чуть подальше, на заросшей проселочной дороге, выстроились машины «Скорой помощи», полиции, пожарных, вереницы фургонов из моргов и еще множество автомобилей без отличительных знаков. Между ними и поездом – непрерывное движение, завораживающий балет.

«Психологическое потрясение, взрыв», – подумала Лудивина. Вы можете столкнуться с насилием в любой момент и при любых обстоятельствах. И будете разорваны в клочья, раздавлены, уничтожены – вот о чем кричат эти трупы, разбросанные по пшеничному полю. Двое подростков сходят с ума – и уже кровью забрызгана вся цивилизация. Общественный договор нарушен, произошел этический крах, а обломки крушения разнесли вдребезги веру в то, что раньше казалось незыблемым и вдруг сделалось шатким, ненадежным. Трещины и так уже разбежались по основанию цивилизации с началом экономического кризиса, который продолжается в мире много лет. Но теперь, когда главная функция цивилизации – общественная безопасность – поставлена под сомнение, напрашивается вопрос: какой смысл в ее дальнейшем существовании? Не лучше ли вооружиться, подготовиться к худшему и защищаться самостоятельно? А ведь у кого-то может появиться искушение пойти еще дальше и вернуть себе то, что он считает своим по праву, да просто отобрать у других то, что хочет. Так вступает в дело закон сильнейшего. Индивидуальная агрессия – первый шаг к коллективной. В этом заключена угроза. Достаточно раздать народу оружие и дожидаться, когда отдельные вспышки насилия наберут обороты, раскатятся эхом, сольются между собой, сформируют внутренние течения, которые рано или поздно поднимут мощное цунами...

Сеньон пощелкал пальцами перед носом задумавшейся Лудивины, возвращая ее к реальности. Они сидели в маленьком парижском кафе, куда зашли перекусить.

– Эй, ты где?

– Извини. О чем ты говорил?..

Здоровяк указал пальцем на экран телевизора.

– Дробовики принадлежат дяде одного из пацанов, но неизвестно, где они раздобыли винтовки.

– На черном рынке? В криминальных кварталах сейчас что угодно можно купить.

– Допустим... Куда все-таки катится мир? Двое пацанов без проблем с законом вдруг начинают поливать людей свинцом... Нет, ты представляешь?

– Может, и не без проблем с законом, Сеньон.

– На них ничего нет!

– Это не значит, что они чисты. Человек не может внезапно войти в поезд с оружием в руках и начать палить во все, что движется, если к этому не было никаких предпосылок, пусть даже психологических! Подростки были на грани. Их защитные механизмы дали сбой, мембрана лопнула, как натянутая резинка, но это не может произойти вот так, вдруг, без существенного износа. И чтобы понять, почему они превратились в этих безумцев, надо изучить их повседневную жизнь.

– А действиям подростков, которые устраивали боины в школах США, тоже может найтись объяснение?

– Конечно. У нормальных детей, интегрированных в школьный коллектив, общительных, дружелюбных, пользующихся симпатией, не сносит крышу в один момент. Такое происходит с изгоями, со сломанными шестеренками, выброшенными из отлаженного механизма.

– То есть ты хочешь все свести к банальной истории про какого-нибудь несчастного заморыша, у которого родители развелись, нет друзей и проблемы с успеваемостью? Он не может влиться в коллектив, его никто не любит, всем на него наплевать, и в итоге у него просыпается желание отомстить за себя, взять реванш, он хватается пушку и начинает стрелять куда попало?

– Не куда попало, а как минимум в источник своих обид. Да, примерно так и происходит.

Сеньон махнул рукой, словно отбрасывая доводы Лудивины, и откинулся на спинку диванчика, который заскрипел под его весом.

– Это слишком простое объяснение! У всех подростков бывают перебои в работе психики. Временные затмения.

Дальше Сеньон что-то забормотал себе под нос – Лудивина не разобрала слов и подумала, что он произносит молитву или нечто вроде того. Они оба так устали, что здоровяк даже выпил вторую чашку кофе, прежде чем вернуться вместе с напарницей в Парижский отдел расследований при въезде в Баньоле¹².

Они прошли за ограду большого серого здания, где когда-то размещались казармы. Оно было не совсем старое, чтобы видеть в нем какую-то эстетическую прелесть, и не слишком новое, чтобы считаться комфортабельным. Кабинеты находились наверху, Сеньон и Лудивина поднимались по ступенькам, когда на лестничной площадке их перехватил Ив. Его глаза казались темнее обычного, хотя куда уж темнее.

– Мы возвращаемся в комнату для допросов, но сначала я хочу надавить на одного из подозреваемых – по-моему, он почти созрел. Если возьмемся за него вчетвером, наверняка расколется.

* * *

Ив провел их по первому этажу узким коридором до стальной приоткрытой двери. У порога стоял Марсьяль – еще один сотрудник отдела по борьбе с наркотиками, с такими же, как у его коллеги Ива, гладкими и нежными чертами лица. Но сегодня на нем резче обозначились морщины, а под глазами залегли круги. В глубине камеры Лудивина из коридора разглядела парня, который заметно нервничал. Длинные руки и ноги, прическа афро, спортивная одежда, кеды без шнурков, возраст – под тридцать. Правой ногой он отбивал ритм какой-то воображаемой композиции в истерическом хардрокерском стиле. Парень играл в гляделки с Марсьялем, но, когда вошли остальные, сразу вскочил.

– Что, по расписанию сейчас избиения? – ухмыльнулся он, но скрыть испуг ему не удалось.

– Не, у нас так не принято, – пожал плечами Ив. – Жозеф, ты до сих пор не сказал ничего дельного. Сейчас мы к этому вернемся, но сначала хочу напомнить тебе о семейных обязанностях. Ты же знаешь, что вам всем светит. Для тебя тюряга – дело привычное, а вот для твоего братишки... Только подумай, что с ним там будет. Он же еще пацан! Выпендривается, конечно, но, по сути, распоследний слабак. Такому за решеткой не выжить, ты сам это отлично понимаешь.

– Я же сказал, оставьте Марвена в покое, он не при делах!

– Да ну? А сидел он с вами. И не я его туда посадил.

– У вас на него ничего нет! Тачка была чистая! Там ни хрена не найти!

Ив поднял руку и ткнул пальцем в сторону потолка:

¹² Баньоле – коммуна, ближний восточный пригород Парижа.

– У меня наверху сорок часов прослушки телефонных переговоров всей твоей банды и отчеты о слежке за вашими машинами. И тачка, в которой сидел твой брат, разумеется, была приманкой. Так что можешь не сомневаться – если я хорошенько подготовлю дело для передачи в суд, вы все загремите надолго за торговлю наркотой. Кроме того, я жду результатов обыска в ваших квартирах, а тебе остается только молиться, чтобы там ничего лишнего не завалилось, иначе срок подрастет.

Жозеф выругался себе под нос.

– Твой братишка страсть как любит трепаться по мобиле, – добавил Марсьяль.

– Но сейчас я не буду играть в злого полицейского, – продолжал Ив. – Давай так: ты по-хорошему со мной, а я по-хорошему с твоим младшим братом. Обещаю, что в этом случае не стану выдвигать против него обвинений. Марвен стоит на учете, но, поскольку во время задержания при нем не было наркоты, все можно уладить в его пользу. Ему уже восемнадцать, Жозеф, и в противном случае я могу оформить дело так, что суд без колебаний вкатит ему по полной, приняв к сведению все его прошлые заслуги.

Лудивина наконец поняла, что затеяли Ив и Марсьяль. Они не могли оказывать такое давление на подозреваемого в комнате для допросов при включенной видеокамере. Но порой случалось, следователи, видя, что у подозреваемого вот-вот сдадут нервы, предварительно «доводили его до нужной кондиции», чтобы, оказавшись перед объективом, он был готов давать показания.

– Шакалы! Это шантаж!

– О нет, шантаж – не наш метод. Мы всего лишь предлагаем тебе почувствовать себя настоящим главой семьи, осознать собственное поведение и сделать выводы, чтобы младший братишка не пошел по твоей кривой дорожке. Если ты заговоришь, бросишь нам косточку, мы, шакалы, перестанем принохиваться к пацану, который нам, в общем-то, без надобности. Давай решай. И повторяю, хотя ты это и без меня знаешь: Марвен слабак, в тюрьме его сожрут с потрохами.

Жозеф тряхнул головой:

– Сволочи гребаные... Чего решать? У меня, что ли, есть выбор?

– Тебе виднее.

Нога, нервно отбивавшая воображаемый ритм, вдруг замерла. Жозеф, на котором не было наручников, обхватил голову руками и вздохнул.

– Чего вам надо? – спросил он уже менее воинственно.

– Зачем вам сумка с кусками человеческой кожи?

Нога снова запрыгала. Парень принялся лихорадочно сплетать и расплетать пальцы.

Почувствовав слабость, Лудивина вмешалась в разговор:

– Это вы убили людей и содрали с них кожу?

– Э нет, так не пойдет! – вскинулся Жозеф. – Шкура эта у нас была, да, но убийства вы на меня не повесите! Это не мы!

– А кто?

– Без понятия.

– Но сумку с кожей ты от кого-то получил, так? Или она с неба свалилась?

– Я не знаю, отвечаю!

Ив угрожающе поднял указательный палец и сменил тон:

– Хватит дурочку валять. Я отмажу твоего брата в обмен на информацию. А если ты будешь твердить «я не знаю, я тут ни при чем», сделка отменяется. Вы с Марвеном оба загремите за торговлю наркотиками, и плевать, что их не было в ваших тачках. У меня есть записи ваших переговоров, при обыске наверняка найдется куча бабла, какие-нибудь подозрительные денежные переводы на ваших счетах, и я уж не говорю о сумке с человеческой кожей! А если мы найдем тела, с которых эту кожу сняли, пойдете по статье за убийство все как один. Знаешь,

какой срок полагается за убийство с последующим осквернением трупа? Или тебе подробно расписать?

Жозеф закусил нижнюю губу. Помолчал, покривился и вдруг заговорил, опустив голову и не глядя на жандармов:

– Сумку мы взяли в Лилле. У нас там тайник. Клянусь, я не знаю, кто ее туда положил. Когда нужно перегнать груз, мы получаем сообщение с адресом, по которому надо забрать товар, и все. Забираем, там же оставляем бабло и сваливаем. Терок у нас не бывает, все на честном слове, никто не парится пересчитывать деньги перед носом, потому что мы этих чуваков еще ни разу не кинули! Зачем? Все в плюсе. Да и кому придет в голову кидать отморозков, которые с людей шкуру сдирают, как гребаную обертку с чупа-чупса!

– Так это у вас что, не первая доставка? – перебил Марсьяль, удивленно переглянувшись с Ивом.

– Пятая. Но клянусь, до этого раза я не знал, что в сумках! Обо всем договаривались Селим и Ади, а меня с собой потащили. Если б я знал, о чем базар, ни за что бы в такое дерьмо не влез!

– Но ты влез по самое некуда, – отрезал Ив, пресекая поток сожалений.

– Селим, Ади и я – мы всегда заодно. С тех самых пор, когда были сопливыми пацанами. Я не мог им отказать. Вы знаете, что такое дружба?

Ив вскинул бровь – похоже, у них с подозреваемым были разные представления о дружбе.

– Что вы собирались делать с кожей? – спросил он.

– Ну, это... продать.

Ив и Марсьяль снова переглянулись, словно не поверили своим ушам. Лудивина и Сеньон, стоявшие чуть поодаль, молчали, чтобы не вспугнуть разговорившегося Жозефа.

– Вы торгуете человеческой кожей? – уточнил Ив с явным сомнением.

– Э, да знаете, сколько она стоит «под решеткой»?

– Ты имеешь в виду, на черном рынке?

– Ага, в правильных местах. На вес дороже, чем любая дурь. Чистое золото!

– И кто у вас покупает такой... товар?

– Да все кому не лень! Шаманы разные отстегивают бешеные бабки, торговцы редко-стями... Сейчас, по ходу, тренд на чехлы для мобил из человеческой кожи. Самое оно! Круче брюликов!

Марсьяль совсем остолбенел от услышанного:

– Ты хочешь сказать, что по улице ходит шпана с мобильниками в...

– Че шпана? Мажоры в ваших богатеньких кварталах. А вы как думали? У нас приличная клиентура в городе. И русские тоже в очередь выстраиваются. Эти вообще наши лучшие клиенты – обожают всякие диковинки!

– И что, людей не напрягает таскать в кармане кусок трупа?

– Так они не в курсах! Думают, добровольцы продают собственную шкуру. Понемногу отрезают. Ну в Индии же бабы продают волосы. И живот свой продают, чтобы выносить чужого ребенка. А некоторые даже органы продают, почку, там, за мешок риса. Почему нельзя толкнуть кожу?

– Добровольцы? – помотал головой Ив. – Свое лицо продают целиком?

– Лица – это другое дело, их можно загнать дороже всего. Один африканский колдун купил у нас кожу с лица, чтобы сделать себе маску. Отстегнул шесть косарей. Русские вообще бы удавились за такую.

Марсьяль, прислонившийся спиной к двери, не сводил глаз с Жозефа. Ив размышлял, скрестив руки на груди; он тоже был ошеломлен.

– Кто-нибудь еще, кроме вас, торгует таким товаром? – спросил он спустя некоторое время.

– Без понятия. Но наш товар – самый топовый. Кожа чистая, гладкая, отличного качества, без синяков и изъянов. И куски большие. Высший класс! А иногда попадаются клевые и красивые татушки. Клиенты любят татушки – такие куски лучше всего продаются.

Парень говорил так, будто речь шла о дамских сумочках и кожаных куртках.

– Но... ты сам-то понимаешь, что это кожа... мертвых людей? – медленно произнес Ив.

– Так не я их убил! – возмутился Жозеф. – Я не при делах! Толкаю товар, вот и все! Ты жрешь говядину? И что, ты после этого убийца коровы?

Ив провел рукой по волосам – было заметно, что он в полной растерянности, но все же собрался и задал вопрос:

– Кто свел вас с поставщиками?

– Не знаю. Говорю же, это Селим и Ади...

– Они мне ничего не скажут, – перебил Ив, теряя терпение. – В лучшем случае заявят, что это твой замут. Хватит врать, иначе Марвену крышка.

– Эй! – опять занервничал Жозеф. – Я и так вам уже инфу слил, вы обещали, что мой брат...

– Я сдержу слово, если расскажешь все до конца!

Градус разговора подскочил, они уже почти орали, один громче другого. Потом в ярости усталились друг на друга. Наконец после долгого молчания Жозеф неохотно проговорил:

– Чудила. Его все называют Чудила. Он пришел и сказал, что у него есть для нас работа. Мол, знает в Лилле одного чувака, который будет нам поставлять уникальный товар.

– Кто такой этот Чудила? – спросила Лудивина, не сдержавшись.

Жозеф презрительно, хоть и не без интереса, покосился на нее.

– Один тип с района, – помолчав, все-таки ответил он. – Не такой, как мы с вами. Стремный чувак, как с другой планеты, больной на всю голову. – Парень постучал пальцем по виску. – Дурью накачивается так, что искры из глаз. Реально отмороженный. Поначалу мы его опасались, но потом дело пошло, даже вроде как доверять ему стали.

Ив снова взял допрос в свои руки:

– Это Чудила свел вас с преступной сетью в Лилле?

– Ну да. Только, кроме него, мы ни с кем из них не общались.

– А в чем его выгода? Он получает свою долю?

– Да.

– И где его найти, этого Чудилу?

– У нас на районе.

– В Ла-Курнев?¹³

– Да. Но у него нет адреса, живет где придется. Псих конченный, всякой мутотой занимается – ну черная магия там, сатанизм и прочее дерьмо.

– Ну вот, Жозеф. Оказывается, можешь, когда хочешь, – сказал Марсьяль. – А сейчас мы поднимемся в комнату для допросов, и ты все это повторишь на видеокамеру.

Ив обернулся к Лудивине и Сеньону – те поняли без слов, что в их присутствии больше нет необходимости, и вышли. Им было чем заняться.

Для начала заглянули в кабинет к полковнику Жиану и доложили ему обстановку. Полковник выслушал молча, никак не отреагировав. Этот сорокалетний, подтянутый, с короткой армейской стрижкой и скупыми точными жестами человек занял место Априкана, когда Лудивина с Сеньоном вернулись из Квебека, измученные, чудом уцелевшие в той бойне, новостями о которой несколько недель пестрели все СМИ. Это было дело десятилетия, если не века. Жиан

¹³ Ла-Курнев – коммуна в 10 км от Парижа, застроенная в основном многоэтажными жилыми домами; большая часть населения – иммигранты.

оказался крепким командиром, способным возглавить Парижский отдел расследований после того, что тот пережил. Кусок гранита, из которого не выдавить эмоций.

– Результаты обысков? – коротко спросил он.

– Я навела справки сразу, как пришла, – сказала Лудивина. – С обысками еще не закончили, но уже нашли кучу денег и оружия.

– Хорошо. Бригада по борьбе с наркотиками продолжит работу с этой бандой. Хоть товара при них ночью, во время гоу-фаста, не было, надо, чтобы ребята перетрясли все их тайники. Мне нужно предъявить прокурору что-нибудь убедительное.

– А кожа? Это же экстраординарный случай, разве нет?

Жиан пару секунд сверлил Лудивину взглядом, и она уж было отчаялась, решив, что дело от нее ускользает.

– Ванкер...

Она слотнула, снова почувствовав надежду.

– Да, полковник?

– Расследованием по делу о торговле человеческой кожей займется ваша группа. Вы будете ответственной. Мне нужны все подробности, от начала до конца.

Лудивина воспряла духом. В кабинете она была единственной, у кого на губах появилось подобие улыбки.

– И не гоните волну. Никакого общения с прессой, – добавил полковник. – Такие расследования нельзя предавать огласке.

– Можете на нас рассчитывать.

Едва оказавшись в коридоре, Лудивина ткнула Сеньона кулаком в плечо:

– Пошли! Мы едем в Ла-Курнев!

– Как это? Без подкрепления и бронежилетов? Ты спятила?

– Вообще-то, нет. У нас двоих больше шансов остаться незамеченными, чем у трех грузовиков Национальной жандармерии.

Лудивина зашагала к выходу, светлые кудряшки бодро заплясали на затылке. Сеньон поспешил следом за коллегой.

– Да-да, ты спятила, Лулу, – пробормотал он на ходу. – А я, как дурак, тебе потакаю...

5

Улыбки и смех преобладали над хаосом. Лудивина шла вдоль вереницы машин, припаркованных у многоэтажки на фоне ультраурбанистического пейзажа из обветшалых многоэтажек. Прежде всего ее поразило то, что реальность здесь отличается от расхожего представления о подобных кварталах в небольших городках близ Парижа – она готовилась попасть в зону боевых действий, а вместо этого очутилась в окружении счастливых мамаш, гуляющих с веселыми детьми. Назвать картину идиллической, впрочем, никто бы не решился, но все-таки жизнь здесь оказалась сильнее нищеты. Лудивина и сама не была принцессой из хрустального замка, она жила в разных местах и росла зачастую не в самых благоприятных условиях, однако в таких конгломератах не бывала давно. «Плохое быстро забывается», – подумала она. Предрассудки, городские мифы и плоды коллективного воображения всегда будили в ее памяти множество воспоминаний.

Они с Сеньоном углубились в запутанный лабиринт башен и барачков, которым строители присвоили имена писателей и поэтов, словно для того, чтобы подарить немного надежды и красоты этим душным блокгаузам. Зелень на клумбах давным-давно погибла, если там вообще когда-то что-либо росло; вместо цветов вдоль тротуара тянулись полосы засохшей грязи, утыканной окурками. Редкие кустики походили на обезображенные скелеты, неспособные расти в этой среде, как будто земля здесь была больна, а единственная выжившая флора приняла облик охапок белья, сохнувшего на весеннем ветру под козырьками на каждом балконе. Лудивина видела, как кто-то просит сигарету у соседа, стоя на балконе и обозревая с высоты ландшафт, как чуть поодаль двое мужчин разговаривают, другие где-то за столиком пьют чай. На разных этажах громко играли телевизоры; из отъехавшей от подъезда машины оглушительно гремело басами авторadio. Мальчишки играли в футбол прямо посреди улицы. Квартал бурлил жизнью – богатой, насыщенной, интенсивной.

И все же несколько позитивных моментов не могли кардинально преобразить этот городок – достаточно было получше осмотреться вокруг, чтобы понять: расхожие представления по-прежнему имеют силу. Облупленные фасады, блеклые краски, повсюду граффити, решетки на окнах нижних этажей, раскуроченные почтовые ящики, набросанные тут и там кучи мусора, разбитая плитка на тротуарах и повсеместная ржавчина – как будто кровь агонизирующей архитектуры.

Лудивина и Сеньон переходили из подъезда в подъезд в поисках источника информации. В одних подъездах воняло мочой, в других – марихуаной; где-то гулял сквозняк и слышно было только свист ветра; где-то тусовалась молодежь, но разговоры сразу смолкали при появлении двух жандармов в гражданском – дюжина голов поворачивалась в их направлении, тарашась на чужаков из-под кепок, капюшонов и беретов. Взгляды были вопросительные, любопытные, агрессивные, насмешливые, пристальные. Потом снова становилось шумно, эхо голосов перекатывалось волнами: «Че тут забыл этот ниггер?», «Тише ты, сколько возьмешь за дозу?», «Эй, белокрысая, может, потрахаемся?», «Хрена ли вам тут надо?», «За наркотой пришли?», «Может, ко мне в гости заглянете?», «За сколько дашь, цыпа?», «Не слушайте этого урода!», «Я бы с ней перепихнулся!», «Отвали!», «У меня есть все, что вы ищите...».

Обстановка становилась тревожной. Лудивина и Сеньон в очередной раз вышли на улицу, обогнули раскуроченный остов сгоревшей машины и пошли к жилому дому напротив. Теперь за двумя незнакомцами внимательно наблюдали отовсюду. Здоровенный негр и красивая хрупкая блондинка – интригующая пара, и явно не местная. Они не выскочили из машины, чтобы тайком купить наркоту и сразу умчаться восвояси – нет, они разгуливали тут пешком и определенно искали что-то или кого-то. Неординарное событие в повседневной жизни криминаль-

ного квартала, куда мало кто из чужаков заглядывает и уж точно никто из них не задерживается надолго.

Вскоре Лудивина заметила, что за ними целенаправленно следует небольшая группа подростков, и, развернувшись, сделала им знак подойти поближе.

– Я ищу человека по кличке Чудила, он местный, – сказала она. – Не знаете, где его найти?

В этой компашке были только мальчишки. Самым старшим около двадцати, самым младшим нет и пятнадцати, прикинула Лудивина. Все одеты в соответствии с местной модой: толстовки, широкие спортивные штаны и кеды. Они потихоньку начали расходиться полумесяцем, нацелившись взять двух жандармов в кольцо.

– А ты кто такая? – поинтересовался один из старших, судя по речи – житель пригорода.

– Че вам надо от Чудилы? – спросил кто-то помладше.

– И че, не стремно вот так к нам соваться? – хмыкнул другой.

Каждому хотелось вставить свой комментарий. В словах звучали насмешка, враждебность и желание пометить свою территорию. Парень в кепке, такой же черной, как его глаза и кожа, поднял руку, призывая всех замолчать. Недоверчиво покосившись на Сеньона, он шагнул к Лудивине:

– Зачем вам понадобился Чудила?

– Есть к нему пара вопросов.

– Вы легавые?

Банда забубнила, насмешливо зафыркала.

– Чем быстрее мы его найдем, тем быстрее уйдем отсюда, – сказала Лудивина. – Похоже, наше присутствие вас напрягает, но мы ведь можем вернуться с подкреплением и устроить тут хрен знает что. Только вот зачем? Мы с тобой оба понимаем, что ни тебе, ни мне это не нужно, правда?

– С каких пор ты позволяешь телкам так базарить с тобой, а, Край? – нагло поинтересовался один из парней.

– Ниче, мы ее научим, как себя вести, – пообещал другой.

Лудивина осмотрела тяжелым взглядом тощего подростка, который попытался ее спровоцировать.

– Думаешь, напугала? – не смутился тот. – Завали хлебало, а то будешь у меня визжать как свинья.

Присутствие банды раззадоривало каждого ее участника, заставляя вырываться за рамки дозволенного, как будто речь шла о защите их права на существование. В поведении подростков было что-то звериное – здесь слабые были обречены на вымирание и сами чувствовали, что могут стать изгоями или погибнуть от рук сильнейших, быть убитыми если не в физическом плане, то в социальном.

Лудивина сжала кулаки, готовая к любому развитию событий. Мысленно она отметила для себя самых крепких парней – начать нужно будет с них, чтобы произвести впечатление на остальных, внушить им страх, тогда банда быстро рассеется и не сможет атаковать слаженно, как единое целое.

Но пацан в черной кепке снова призвал своих к молчанию, громко шикнув на них.

– А вы, по ходу, оба с яйцами, если решились прийти сюда вдвоем, – сказал он. – У нас тут не любят легавых. Вы в курсе?

– Слушай, нам не нужны проблемы. Если мы сюда нагрянем вместе с Антикриминальной бригадой, вам мало не покажется, и всем известно, чем это кончится. Чудила в вашей банде не состоит – он ведь сам по себе, верно? Скажите нам, где его найти, и возвращайтесь к своим делам, никто вас не потревожит.

– А что он натворил?

– Трахнул твою мамашу! – крикнул пацан, стоявший чуть поодаль.

Главарь в кепке напрягся и развернулся к тому, кто только что выразил свое неуважение, затем медленно нацелил на него указательный палец – и пацан гулко сглотнул, осознав, что нарвался.

– Нам нужны показания Чудилы по делу об убийстве, – пояснила Лудивина. – Просто хотим с ним поговорить.

– У нас тут вроде пока никто не сдох в последнее время! – раздался голос.

– Точняк, вам тут не Марсель! – подхватил второй.

– Где Чудила? – жестко повторила Лудивина, не скрывая, что начинает терять терпение.

– А вы прям реально хотите с ним поговорить? Уверены? – прищурился главарь банды.

– Более чем.

Парень указал на длинный барак в отдалении:

– Насколько я знаю, сейчас он живет в той развалюхе. Там пусто, ее скоро снесут.

– Спасибо. Вы только что избавили себя от кучи неприятностей, – бросила Лудивина на прощание.

– Мы-то да, а вот вы наоборот. Я удивлюсь, если Чудила их вам не обеспечит.

Парни громко заржали, но главарь утихомирил их коротким жестом.

– На вашем месте я бы подумал, прежде чем к нему соваться, – добавил он.

– Почему?

– Это опасно.

– И опасность исходит от вас?

– Нет.

– Тогда от кого? От местных торчков?

– Точно не от них...

Лудивина чувствовала, что Сеньону хочется поскорее уйти подальше от банды.

– Это дом с привидениями! – сообщил кто-то из группы подростков.

– Ага! Если войдешь, не факт, что выйдешь, – подхватил другой.

Лудивина ждала реакции главаря.

Тот кивнул:

– Короче, мы вас предупредили.

Двое жандармов беспрепятственно прошли сквозь небольшую толпу и направились к длинному пятиэтажному зданию, на которое указал парень в кепке. У них за спиной послышались звуки ударов и вскрик какого-то пацана.

«А кто-то грозился, что это я буду визжать, как свинья», – подумала Лудивина.

Бетонный барак походил на потерпевшее крушение грузовое судно. Все окна первых двух этажей были замурованы, остальные зияли черными дырами на месте выломанных рам. Внизу стены были покрыты граффити, словно защитными знаками на таинственном языке; вдоль серого фасада выстроились остовы сгоревших машин.

Лудивина остро чувствовала, что за ними наблюдают, но не знала кто – то ли обитатели предназначенного на снос дома, то ли пацаны из банды за спиной. Впрочем, квартал был слишком большой, чтобы определить в нем все укромные места и окна, за которыми могут притаиться любопытствующие. Не надо обольщаться – наблюдателей здесь хватает, как минимум полдюжины пар глаз сейчас фиксируют каждое их движение. Однако, обернувшись, она не заметила ничего подозрительного – жандармы как будто вышли за черту, ограничивавшую территорию банды.

– Видела, какая тут трава? – подал голос Сеньон. – Вся пожухлая.

– А ты думаешь, это трава?

– Я серьезно! Посмотри. Как будто вокруг этого барака... вся растительность погибла.

И действительно, из растительности здесь было только жалкое подобие травы – редкие пучки вяло цеплялись за землю.

– Сеньон, я тебя умоляю, не говори мне, что ты поверил байкам этих мальчишек! Тут ничего не растет, потому что люди ходят постоянно, никто зелень не поливает, машины горят что ни день... Ничего сверхъестественного!

Здоровяк пожал плечами. Лудивина знала, что он суеверен – из тех, кто не возьмет солонку из чужих рук, шарахается от черных кошек и то и дело крестится на всякий случай. После того, что они вместе пережили в Квебеке, его вера окрепла. Сеньон тогда чудом спасся от смерти, которая размахивала косой ночи напролет в лабиринтах отрезанной от мира деревеньки. Сеньон выжил, хотя большинство тех, кто был там, погибли. Почему уцелел именно он? Вопрос не давал ему покоя, время от времени он пытался обсуждать это с Лудивиной и начал ходить по воскресеньям в церковь, ища утешения, раз уж не мог найти ответа.

Она хлопнула напарника по плечу:

– Пошли! Обойдем здание, где-то же должен быть вход.

На почерневших остовах машин сидели толстые черные вороны и тарасились на двух чужаков блестящими глазами-бусинами.

– Я уже говорил тебе, что терпеть не могу воронов? – спросил Сеньон.

– Нет.

– Так вот: я терпеть не могу воронов. Прямо-таки ненавижу. Посмотри на эти наглые морды! Пройдохи! А глаза? В них же ни одной эмоции, никакой жизни! Слуги смерти...

– Умеешь ты приободрить...

Они свернули за угол барака, немного отошли от него – и оказались нос к носу с огромным лицом, нарисованным краской из баллончика. Оно занимало большую часть здания. Клоунская рожа с кошмарными глазами, зрачками которых служили выбитые окна второго этажа, смотрела на них пустым взглядом, и в его пугающей глубине таилась тьма. Лудивина и Сеньон заметили лаз с замурованной дверью в подвальные помещения. Там была выбита ломом облицовка и проделана узкая щель, через которую мог протиснуться человек. Дыра была посередине разинутой в диком смехе клоунской пасти и вела, надо думать, в его пищевод, и дальше, в самое нутро, откуда рождался хохот.

Жандармы несколько секунд рассматривали намалеванное лицо под карканье воронов. Лудивина сделала глубокий вдох, набираясь смелости.

– Как думаешь, пролезешь? – спросила она.

Сеньон подошел к разинутому рту, поколебался немного, не сразу решившись просунуть в него руку, затем изогнулся, кривясь и морщась, – и протиснулся на ту сторону.

Словно издалека до Лудивины донесся его голос:

– Проход ведет вниз! У тебя есть фонарик?

Она в последний раз оглядела окрестности. Теперь казалось, что весь городок находится на другом краю мира, будто он отошел и повернулся спиной к этому месту. Поблизости не было ни души. Даже детишки, игравшие в мяч и гонявшие на великах, куда-то испарились. Ничего, кроме полосы отчуждения, усыпанной мусором, какими-то обломками и поросшей чахлой травой. Город уже предал забвению этот барак, переставший быть убежищем даже для местной шпаны.

«Дом с привидениями? Серьезно? – мысленно обратилась Лудивина к главарю банды подростков. – Что же такого страшного должно было тут произойти, если даже такие безбашенные парни, как вы, поверили в байки, а?»

Что бы тут ни случилось, это наверняка было нечто скверное, раз уж люди забросили огромный дом и держались от него подальше, даже взрослые.

Лудивина достала фонарик из кармана кожаной куртки и приблизилась к гогочущей пасти клоуна. Его зубы оказались точно над ней, словно примеривались перекусить пополам.

Включив фонарик, Лудивина проскользнула в клоунскую глотку.

Голодный урод проглотил ее и не подавился.

6

Стены сочились влагой, запах плесени становился сильнее, по мере того как Лудивина и Сеньон продвигались в глубь барака. Узкий лучик света прокладывал дорогу, бледный глаз фонарика нацеливался то на влажные от сырости ступеньки, то на стены, покрытые граффити. В основном здесь были надписи – имена, свидетельства подвигов, совершенных их обладателями, которые дерзнули прогуляться по дому с привидениями. Лудивина могла представить, какой вызов бросали друг другу местные мальчишки: забраться как можно дальше, чтобы увековечить собственное имя. Но как родились мрачные легенды, связанные с этим темным домом? Кто-нибудь набил себе шишки, поскользнувшись на лестнице? Перепугался, приняв свист ветра, гуляющего на этажах, за шепот духов? В городе наверняка нет ни одного подростка, который ни разу сюда не спускался. Кто-то из них нарвался на чокнутого торчка? Это же наверняка излюбленное местечко всех окрестных наркоманов – отличный сквот¹⁴, просторный и защищенный от вторжения чужаков.

Лудивина коснулась пальцами рукоятки оружия под курткой – для пущей уверенности. Рисковать, конечно, не следовало – она вытащит свой девятимиллиметровый из кобуры только в крайнем случае, как последнее средство, чтобы не выстрелить по ошибке. Пока вполне можно обойтись и складной дубинкой, но присутствие пистолета на поясе успокаивает. Человек всегда чувствует себя сильнее с огнестрельным оружием. Глупо, но факт. Хотя порой от этого можно слететь с катушек.

Они спустились в подвальный этаж – длинный, погруженный во тьму коридор вел от лестницы вдоль всего здания. Пол был завален подмокшими газетами, разорванными порножурналами, пластиковыми пакетами, пустыми бутылками, разнообразными упаковками и даже одеждой. Через несколько метров Лудивина с Сеньоном наткнулись на перевернутую стиральную машину; в стороне валялись пустые деревянные ящики. Дальше пришлось переступать через старые шины, расколотые доски, останки мебели... Двери подвалов по большей части были выломаны, в проемах виднелись пустые помещения или кучи хлама, уже обысканные сотни раз вдоль и поперек. Чем дальше жандармы продвигались, тем реже становились надписи на стенах – храбрость имеет свои границы и, видимо, так далеко все-таки не заходит.

За спиной что-то глухо загромыhalo, Лудивина резко развернулась, направив в темноту коридора луч фонарика. Пластиковый контейнер из-под воды медленно поворачивался вокруг своей оси, лежа на боку, затем замер.

– Кто-то из тех пацанов? – шепнул Сеньон.

Лудивина покачала головой. Если бы кто-то спускался за ними по лестнице, они бы это услышали. Тут из-за кучи мусора показалась крыса и, промчавшись вдоль стены, с разбега нырнула в щель под дверь.

– В следующий раз, когда куда-нибудь соберешься, напомни, чтобы я отпустил тебя одну, – сказал Сеньон.

– Расслабься. Вообще-то, это ты у нас бронированный шкаф, и ты должен меня успокаивать.

– Слушай, может, уже объяснишь наконец, что мы тут делаем? И почему приперлись вдвоем, без подкрепления? Иногда ты целенаправленно ищешь неприятности, честное слово!

– Мальчишки из банды ни за что не сказали бы нам, где Чудила, если бы мы тут высадились целым взводом, и тогда он успел бы свалить еще до того, как мы нашли его берлогу. Поверь мне, я когда-то жила в таком же криминальном районе – если правильно устроиться, жить в нем не сложнее, чем в других местах.

¹⁴ Сквот – нелегально занятое заброшенное или недостроенное помещение.

– А дальше-то что? Будем гоняться по всему барaku за психом, который играет с нами в прятки?

– Говори потише, и, если повезет, возьмем его тепленького, даже не придется устраивать погоню.

– Если повезет? В отличие от тебя, я в своих расследованиях не полагаюсь на везение, – проворчал Сеньон.

С покрытого пятнами плесени потолка капала вода – словно водяные часы отмеряли последние мгновения жизни дома. *Плюх.*

Лудивина обшаривала лучом фонарика каждый закуток, боясь пропустить тайное обиталище или какую-нибудь важную деталь. Где тут может расположиться Чудила? Подальше от солнца и погодных капризов? Или, наоборот, на верхних этажах, чтобы следить за обстановкой на местности? И откуда это навязчивое ощущение, что за ними наблюдают, которое появилось, как только они приблизились к зданию? Если наблюдатель – Чудила, тогда остается надеяться, что он не испугается и что здесь нет других входов-выходов...

Плюх.

В следующем помещении лежал разорванный матрас, а пол вокруг был усеян использованными презервативами. Лудивина предпочла не думать о гнусной сцене, которая могла здесь разыграться.

Плюх.

В соседней комнате была обустроена курилка – там повсюду валялись трубки для крэка. Почему наркоманы тусовались именно здесь, вместо того чтобы ловить кайф на верхних этажах, подальше от сырости и грязи? Неужели боялись туда соваться?

Парни из банды могут собой гордиться! Я рассуждаю так, будто это действительно дом с привидениями!

Плюх.

Сеньон, дернув ее за рукав, указал на развилку впереди. Коридор, уходивший вправо, был весь покрыт граффити – круг света от фонаря прошелся по рисункам, нанесенным аэрозольной краской. Там были одни и те же мотивы: языки пламени, перекошенные морды, вытаращенные глаза, фонтаны крови, рога, вилы... Адское пламя пожирало каждый квадратный сантиметр стен, и в нем таились демоны.

– Миленко. Мол, дорогие гости, почувствуйте себя как дома, – усмехнулась Лудивина.

В конце коридора была бетонная лестница, ведущая вверх, на первый этаж. Там на каждой ступеньке красовались слова: «Бегите», «Нет», «Нельзя», «Здесь говорят мертвые», «Плата за вход...», «... ваша душа», «Будьте прокляты», «Логово дьявола». На стене первой лестничной площадки, напротив пролета, была нарисована красной и черной красками голова Зверя, в очень реалистичной манере. Сатана смотрел на гостей из-под нахмуренных бровей с плотоядной ухмылкой, подняв в приветствии огромную когтистую лапу с открытой ладонью.

– Что-то мне не хочется дальше подниматься, – признался Сеньон.

– Я тебя умоляю, хватит уже ныть.

Лудивина зашагала вперед, и напарнику ничего не оставалось, как устремиться за ней, чтобы не застрять одному в потемках. Проходя мимо дьявола, Сеньон перекрестился и поднял к губам маленький крестик, висевший на цепочке у него на шее.

Окна на первом этаже тоже были замурованы, коридоры тонули в гнетущей темноте. Жандармы оказались в просторном холле с выходами в два коридора и на лестницу, которая вела дальше, на верхние этажи.

– Если бы ты был психом, повернутым на черной магии и прочем дерьме, где бы ты устроил себе логово? – спросила Лудивина.

– Ты реально думаешь, что я могу ответить на такой вопрос?

Она неодобрительно поцокала языком:

– Какой ты скучный, Сеньон... – И обвела пол лучом фонарика, высматривая в толстом слое пыли следы. – А вот если бы я была поклонницей всякой потусторонней мерзости, я бы предпочла закрытые места, где света поменьше. По-моему, логично, а?

– Тебе виднее.

– Значит, он устроился где-то здесь, поближе к выходу на случай бегства. Ведь этот тип должен быть параноиком, так? На втором этаже окна тоже забиты, но оттуда до выхода слишком далеко. А на верхних все открыто. Так что, я думаю, он тут, на первом.

Бледный луч скользнул по раскуроченным почтовым ящикам и, вернувшись, прошелся по ним еще раз: в каждом стояли оплавленные свечи, их было несколько дюжин.

– Я бы сказала, мы на верном пути, – пробормотала Лудивина.

Она огляделась и помедлила, выбирая между правым и левым коридорами. Здесь было прохладно, по коже бежали мурашки, руки заledenели, несмотря на то что Лудивина была в кожаной куртке. Может, все дело в отсутствии дневного света?..

– Туда, – указал Сеньон, когда фонарик снова осветил левый коридор.

– Почему?

Напарник пальцем указал на перекладину над проемом. Лудивина не сразу разглядела небольшой рисунок – охраняющую вход красную пентаграмму, нанесенную кистью.

– Это эзотерическая штука, – сказал Сеньон. – Перевернутый пентакль. Дурной знак.

– Так, значит, ты разбираешься в таких вещах?

– Про пентакль просто знаю, и все.

Лудивина пошла первой, держа фонарик в одной руке и положив ладонь другой на рукоятку выдвижной дубинки, готовая в любой момент выхватить оружие. Здание дышало – по длинным коридорам-туннелям гуляли холодные сквозняки, заставляя его стонать на все лады. Усталый стальной скелет то и дело похрустывал сочленениями, каждый звук раскатывался эхом на разных этажах, словно в анфиладе огромных залов, а отголоски сливались в зловещий хор. «Эхо – призрак звука, – мысленно твердила себе Лудивина, чтобы успокоиться, – ничего больше. Дурацкий призрак, имеющий научное объяснение».

Коридор, в который выходили двери заброшенных квартир, был полон препятствий. Лудивина обходила скутеры без колес, гадая, как они сюда попали, опрокинутый шкаф, искореженную металлическую сетку от кровати, с которой свисали пружины, как окаменелые ископаемые гусеницы. Дальше разорванный и покрытый пятнами грязи линолеум был завален книгами с вырванными страницами. Их было так много, что Лудивине казалось, будто она идет по руинам библиотеки.

– А еще говорят, что культура не ночевала в криминальных кварталах, – хмыкнула она.

Но Сеньон не отреагировал – был слишком напряжен, а окружающая обстановка не позволяла расслабиться. Остов здания то и дело потрескивал, и каждый раз жандармы оглядывались – не следует ли кто за ними. Кроме того, появился какой-то все усиливающийся отвратительный запах.

– Ты тоже это чувствуешь? – поморщилась Лудивина.

Сеньон кивнул. Вонь нарастала – концентрированная смесь гнили и тошнотворной кислоты, парфюмерный букет из гниющих цветов, тухлого мяса и прокисшего молока. В конце концов вонь сделалась слишком резкой.

– Падалью воняет, – заключил Сеньон. – Черт, надеюсь, это не то, о чем я думаю...

Лудивина думала о том же: близости труп.

Запах был довольно отчетливый, но все же не настолько интенсивный, чтобы говорить с уверенностью. Он мог исходить от животного. Разлагающееся тело человека воняет куда сильнее: пять литров свернувшейся крови, внутренние органы, кишасшие личинками червей, газы из всех отверстий, гниющее мясо – в общем, уровень вонии должен соответствовать объему источника, то есть быть невыносимым.

Один судмедэксперт сказал Лудивине: «Представьте себе, что в комнате пролили шестидесятилитровую бутылку прокисших духов. Вас все еще удивляет, что трупы так пахнут? Меня – нет...» И Лудивина тоже перестала удивляться. Но здесь запах был не таким концентрированным.

Только бы он не сделался сильнее...

Послышался какой-то звук, совсем близко – глухое шуршание, переходящее в гудение, неровное по тону. Луч фонарика отыскал его источник – туча мух почти полностью накрыла собой останки кошки, приколотенной гвоздями к двери квартиры, точно посередине. Глаза несчастного животного вытекли, нижняя челюсть отвисла, в распоротом животе пировали двукрылые, попутно откладывая яйца в это удачно подвернувшееся «гнездо».

Лудивина потянула вверх ворот футболки, чтобы закрыть нос и рот, одновременно знаками показывая Сеньону, что она сейчас распахнет дверь, а он пусть войдет первым.

Петли скрипнули, провернувшись в пазах.

Здоровяк одним движением раздвинул телескопическую дубинку и шагнул в квартиру. Луч фонарика Лудивины вычерчивал ему путь на полу, который был завален выпотрошенными картонными коробками. Цвет обоев невозможно было различить под тысячами слов, нанесенных чем-то красным. От пола до потолка все стены покрывал текст, написанный мелким, неровным, почти детским почерком; кое-где он прерывался пентаграммами и рисунками – бараньими головами и рогами. Несколько слов были крупнее остальных: БЕЛИАЛ. МОЛОХ. АЗАЗЕЛЬ. САТАНА.

Вдруг все здание затрещало. Долгий стон разнесся из коридора в коридор через лестничные клетки.

Трупный запах стал еще сильнее, превратился в невыносимый смрад. Сеньон закрыл рот и нос сгибом локтя.

Впервые с тех пор, как они сегодня вышли за ворота жандармерии, Лудивина задумалась о том, что, наверное, все-таки погорячилась, не запросив подкрепление. Они с Сеньоном оба не понимали, к чему готовиться. Изначальный план действий Лудивины ограничивался тем, что нужно найти потенциального свидетеля и задержать его для допроса, обо всем остальном она не имела никакого представления. И теперь, когда они уже проникли в логово сумасшедшего, она вдруг осознала, что ситуация вышла из-под контроля и теперь надо с теми же предосторожностями проделать обратный путь, чтобы вырваться на свежий воздух.

Сеньон тем временем внимательно осмотрел комнату, несколько раз подождав Лудивину, чтобы посветила поближе. Затем сложил дубинку и достал беретту. Уровень нервного напряжения подскочил еще на одну отметку. Здоровяк указал на дверь в соседнюю комнату, и они встали по сторонам проема.

Смрад сгустился. Двое жандармов почти одновременно перешагнули порог, обводя помещение лучом фонарика и стволом пистолета. Бледный конус скользнул по стенам, покрытым такими же надписями, круг света остановился на полу – там была нарисована огромная пентаграмма. Затем свет отразился от лезвия большого разделочного ножа, вспыхнув искрами. Лудивина ждала, что вот-вот фонарик выхватит из темноты перекошенное в смертельной агонии мертвое лицо, но вместо этого увидела в круге света совсем другое. В углу, занимая почти треть всей комнаты, высилась омерзительная гора останков. Десятки трупов собак и кошек разлагались, источая кошмарную вонь. То ли жертвенные дары, то ли источник «чернил» для демонических надписей на стенах...

В этот раз Сеньон не сумел сдержать скорбный стон.

Лудивина отвела взгляд. Она повидала много трупов, в том числе жертв самых изуверских убийств, но обстоятельства гибели этих животных делали представшую перед ней картину еще нестерпимее.

Нельзя терять хладнокровие. Помни о периметре безопасности. Живо возьми себя в руки!

Сеньон уже пошел дальше исследовать квартиру и, едва ступив в узкий коридор, щелкнул большим и указательным пальцами, привлекая внимание напарницы. Угол впереди был залит мерцающим оранжевым свечением. Они осторожно миновали поворот и оказались в третьей комнате, шире и длиннее предыдущих. Она вся была заставлена мебелью – журнальными столиками, креслами, этажерками с безделушками, старинными подставками для ног, чучелами животных. Здесь лежали ковры и стояли на полу запыленные картины. Предметы громоздились в полнейшем беспорядке, как в антикварной лавке, хозяин которой не позаботился о логике и презентабельности экспозиции. Среди всего этого добра были расставлены горящие свечи – дюжины свечей на коврах и столиках. Язычки пламени создавали в помещении атмосферу храма.

Лудивина опустила фонарик, обводя взглядом этот причудливый кафарнаум¹⁵. Она старалась выделить важные детали, но тут было столько всего, что они с Сеньоном не сразу заметили странный шкаф в самой глубине комнаты.

Присмотревшись, они поняли, что это не шкаф, а исповедальня. Пространство внутри было разделено на две части – одна сторона завешена темной шторкой, вторая закрыта дверцей с поперечными балками. Между ними висело перевернутое серебряное распятие – знак дьявола. Внутри исповедальни тоже горели свечи.

У Лудивины екнуло сердце, когда она увидела ногу в ботинке, торчащую из-под шторы. Кто-то сидел на месте грешника. Она молча указала на ногу Сеньону, тот вскинул пистолет, и они вместе двинулись к исповедальне, стараясь ступать как можно тише. Осторожно продвигаться вперед в захлавленной вещами комнате получалось медленно и мучительно. Все время надо было через что-то переступать, что-то огибать, следить за тем, чтобы не задеть какую-нибудь мелочь одежды...

Когда они наконец добрались до места назначения, Лудивина аккуратно раздвинула складную дубинку и ее концом резко откинула шторку, рывкнув:

– Жандармерия! Не двигаться!

Но грешник и не думал двигаться. У него это и не вышло бы.

Человек сидел на табурете, прислонившись спиной к деревянной задней стенке, и смотрел в пустоту. Ему было лет тридцать. Тонкие усики, белая рубашка, бежевые холщовые брюки. Из раны на шее бежали последние ручейки крови, вместе с которой уже вытекла жизнь. Эта рана – второй кошмарный рот поперек горла – была настолько глубокой, что голова еле держалась на плечах, неестественно завалившись набок. Стены исповедальни и пол между свечами были густо изрисованы пентаграммами.

Лудивина опустила дубинку, парализованная этим макабрическим зрелищем.

И снова раздался треск.

На этот раз звук исходил не от здания, а от самого дьявола.

Его голова возникла за спиной у жандармов. Гигантская. Больше двух метров в высоту.

Огромные, прищуренные в злобной усмешке глаза и клыкастая пасть проступили из тьмы. А в следующий миг демон ринулся на Лудивину и Сеньона.

¹⁵ Кафарнаум, капернаум – здесь: хаос.

7

Здоровенная дьявольская голова падала на жандармов. Разинутая глотка норовила накрыть собой два крохотных человеческих существа, острые зубы вот-вот могли их разорвать и расплющить.

У Сеньона хватило времени на то, чтобы резко отвести руку влево, изо всех сил оттолкнув Лудивину, и самому откинуться вправо. Они откатились в разные стороны – и деревянное изваяние с грохотом обрушилось на пол между ними.

Это был ярмарочный идол, старинный персонаж деревенских праздников, то ли из «призрачной процессии», то ли из какого-нибудь несуразного аттракциона.

– Лулу! Ты в порядке? – обеспокоенно спросил Сеньон, поднимаясь на ноги.

Раздался звон. Лудивина, отлетев от недавнего удара напарника, врезалась в этажерку, уставленную фарфоровыми фигурками, – все это богатство посыпалось на нее и разлетелось вдребезги на полу. Но теперь звон прозвучал в отдалении, у выхода из комнаты, – что-то стеклянное упало и разбилось.

Лудивина заметила, как по стене скользнула тень.

– Он там! – крикнула она. – Убегает! – И бросилась следом, сбивая все на своем пути.

Она выскочила в узкий коридор – тень уже исчезла за поворотом, но Лудивина смутно чувствовала ее присутствие – скорее слышала, чем видела, и точно знала, что они с Сеньоном не одни.

Здоровяк позади чертыхался сквозь зубы, пытаясь выбраться из захлавленной комнаты.

Лудивина пробежала мимо горы разлагающихся трупов животных, не снизив темпа, вопреки чудовищной вони, от которой ее сразу затощило. Пятно света от фонарика скакало вверх-вниз, вправо-влево, мелькало, как огонек стробоскопа, и Лудивина старалась держать его прямо перед собой, чтобы найти беглеца. Что, если это убийца того человека в исповедальне?

Нельзя лететь сломя голову, нужно просчитать его действия.

Ладонь на всякий случай коснулась рукоятки пистолета.

Если беглец вооружен, он может устроить им с Сеньоном засаду на любом повороте. Мчаться за ним вот так, вдвоем, в этом лабиринте – безумие.

Поскольку бежать с пистолетом в руке было бы неудобно, Лудивина сосредоточилась на наблюдении. Она различила впереди скрип – как будто подошвы скользнули по линолеуму. Значит, беглец уже в главном коридоре здания. Она прибавила скорости, схватила за ручку двери, чтобы не потерять темп, и бросилась дальше в погоню.

Фонарик высветил прямо по курсу силуэт – человек в серой толстовке с капюшоном на голове ловко перепрыгивал через скутеры.

– Стой! Стой или стреляю! – закричала Лудивина, стараясь не сбить дыхание.

Но человек не остановился – наоборот, он прибавил скорость, нырнул за угол и исчез где-то в стороне лестничной клетки. Теперь уже Лудивина все-таки достала свой девятимиллиметровый из кобуры. Ситуация сделалась слишком опасной – она рисковала в любую секунду налететь на нож, и тогда у нее не было бы времени отреагировать. Позади гулко звучали тяжелые шаги Сеньона.

Выскочив в холл, Лудивина встала как вкопанная. Никаких следов беглеца там не было. Он мог подняться на верхние этажи или спуститься в подвалы. Дверь лестницы, ведущей вниз, была приоткрыта, но не исключено, что они с Сеньоном оставили ее в таком положении, когда пришли.

Ее догнал запыхавшийся напарник.

– Ты навверх, я вниз, – сказала Лудивина и двинулась к лестнице, но стальные пальцы Сеньона сомкнулись у нее на руке, удержав на месте.

– Ни в коем... случае. Нельзя... разделяться.

Она скрипнула зубами.

– О'кей, тогда пошли вниз. Он наверняка хочет выбраться из здания.

Они сбежали по ступенькам, держа пистолеты на изготовку, и снова оказались в сырой темноте подвалов. Их проводил взглядом дьявол, тонуший в адском пламени на стене площадки между этажами.

Лудивина старалась контролировать дыхание, чтобы лучше слышать звуки вокруг, засечь движение в этом лабиринте, заваленном щебнем и мусором, но не слышала ничего, кроме свиста сквозняков, похрустывания стального каркаса здания и нескончаемой капли. Она глубоко дышала носом, останавливалась у входа в каждое подвальное помещение и обводила его лучом фонарика; Сеньон как мог прикрывал тыл – скудного света не хватало на то, чтобы видеть, что происходит позади. У обоих выступила на лбу испарина, по спине градом катился пот.

Шаг за шагом они продвигались по коридору.

Подвал с трубками для крэка.

Соседний, с выпотрошенным матрасом и презервативами.

Третий, заваленный пустыми ящиками.

Лудивина каждый раз направляла в проем ствол пистолета и фонарик, быстро обводила взглядом помещение.

Огибая или переступая препятствия, они потихоньку приближались к выходу. Лудивина знала, что нужно торопиться – если беглец промчался тут, не задерживаясь, он уже вылез наружу и теперь далеко. Но если он затаился где-то здесь, нельзя проскочить мимо...

Они почти добрались до лестницы, ведущей на поверхность, когда Лудивина вдруг ощутила чье-то присутствие. Сработал инстинкт – заглянув в очередной отсек, она мгновенно, необъяснимым образом, на подсознательном уровне, почуяла что-то живое. Осознание последовало быстро, но все же слишком поздно – у нее хватило времени лишь на то, чтобы вскинуть руку для защиты, а не для нападения. Металлический прут молнией мелькнул в конусе света от фонарика и в следующий миг выбил у нее из руки «зиг-зауэр». Из темноты возникли несколько человек в красной, коричневой и черной одежде. Один бросился на Лудивину. Нижнюю часть его лица закрывал платок, верхнюю – низко надвинутый капюшон. Ярко-алый.

Движением бедер Лудивина ушла с линии удара, легко уклонившись от прута, летевшего ей в голову. Годы занятий боевыми искусствами не проходят даром – рефлекс у нее были отлажены. Удар ступней под колено, чтобы лишить противника равновесия. Разворот корпуса для замаха, упор кулаком в ладонь и обратный разворот, чтобы придать максимальное ускорение локтю. Мощный удар.

Локоть, самое опасное оружие в человеческом теле, врезался в лицо нападавшего чуть ниже носа, и парень в алом капюшоне опрокинулся навзничь.

Второй силуэт мелькнул сбоку, на миг попав в конус света. Сеньон взмахнул огромными руками – и атакующий напоролся на кулак. Раздался глухой стук удара, затем еще один и еще. Человек грохнулся на пол с залитым кровью лицом и ошарашенным взглядом.

Третьего врага Лудивина заметила опять же слишком поздно. Бейсбольная бита на полной скорости влетела в ее ограниченное поле зрения – Лудивина успела лишь повернуться на месте, чтобы под удар попала не вся поверхность корпуса, и вскинуть для защиты плечо. Удар отбросил ее к стене. Боль пока ощущалась лишь как мгновенная огненная вспышка в плече, а бита между тем описывала круг в воздухе для нового удара. Лудивина выпустила из пальцев фонарик, перехватила кулак, сомкнутый на бите, и сжала его изо всех сил. Другой рукой она нащупала шею противника, отыскала нужную точку большим пальцем и вдавила его в плоть

на несколько сантиметров, чтобы добраться до нерва. Человек взвыл, парализованный болью, которая молниеносно прошла всю нервную систему.

И тут Лудивина узнала заморыша, который обещал заставить ее «визжать, как свинья».

Она оттолкнула его в полумраке, который с трудом рассеивал упавший под ноги фонарик, впечатала спиной в стену и ударила коленом три раза – точно по гениталиям. Третий удар был самым яростным. По подбородку пацана потек ручеек слюны и одновременно изо рта вырвался хрип, перешедший в бульканье.

Обернувшись, Лудивина увидела, как Сеньон сокрушительным ударом ноги отбрасывает к стене очередного противника и довершает дело кулаками. Когда он отошел, парень сполз на пол и свернулся калачиком, слабо постанывая.

Огромная черная фигура развернулась к выходу – и двое парней, еще не принимавших участия в схватке, замерли на пороге отсека, а потом рванули в коридор, только пятки засверкали.

– Ты в порядке? – спросил Сеньон.

– Да, – отозвалась Лудивина, осторожно пошевелив травмированной рукой. – Всего лишь пара синяков.

Боль уже начинала заявлять о себе – Лудивина знала, что впереди немало неприятных ощущений.

– Среди них ведь не было того, кого мы преследовали? – уточнил здоровяк.

– Нет. Из-за этих олухов мы его потеряли.

Она была в ярости – злилась и на себя, и на банду малолетних придурков.

– Думаю, вот теперь уже пора вызывать кавалерию, – вздохнул Сеньон. – У нас труп.

Лудивина кивнула. Подобрала фонарик, бросила мрачный взгляд на заморыша, который корчился в углу, и отвела душу, засадив ему еще раз ботинком между ног.

8

Сумерки неспешно ползли с востока, оккупируя небосвод и нависая над миром всей своей темной массой. У окраины городка Ла-Курнев полицейские мигалки заливали фасады домов отблесками цвета расплавленного сапфира. На паркинге в пятидесяти метрах от заброшенного барака пикапы моторизованной жандармерии служили генштабом, откуда контролировался периметр безопасности вокруг здания; люди в полной экипировке растянулись цепью вдоль сотни метров желтой ленты, перекрывая посторонним доступ в сектор. За лентой стояли фургоны Пожарно-спасательной службы, машины местной полиции, администрации и отдела криминальных расследований.

Зеваки, столпившиеся по другую сторону небольшими группками, вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть какие-нибудь пикантные детали, или просто наслаждались всеобщим оживлением, развеявшим привычную местную скуку. Во многих квартирах окрестных домов горел свет, на балконы высыпали жильцы, а кое-где любопытный народ даже вылез на крыши. Пока никаких эксцессов не наблюдалось. Слишком много собралось разношерстного народа – все проявили интерес к тому, что явно было расследованием неординарного преступления.

Лудивина и Сеньон уже несколько часов томились на заднем сиденье своего «пежо», после того как раздали поручения коллегам из местной полиции – у тех были налажены особые отношения с жителями Ла-Курнев, так что им проще было собрать доступные сведения о Чудиле и о завсегдатаях барака, предназначенного на снос. Полковник Жиан тоже приехал – он лично руководил всеми действиями на месте событий, куда прибыли и местные чиновники, и прокурор, и все службы.

Примчался взлохмаченный Гильем Чинь – как обычно, в джинсах, кроссовках и гавайской рубашке, с электронной сигаретой в зубах и айподовскими «затычками», торчащими из ушей. Гильем появился в Парижском отделе расследований через четыре месяца после гибели Алексиса. Занял его место, расположился за его столом, устроился по-хозяйски, развесив на стене свои постеры, как будто Алексиса никогда и не было. Первые несколько недель Лудивине приходилось тяжело, она почти возненавидела новичка, хотя не было никаких законных или разумных причин, только одна, психологическая: простая человеческая слабость. Но потом добродушное обаяние Гильема проняло и ее, и когда Лудивина наконец признала за ним право быть ее коллегой, он привнес немного веселого оживления в кабинет, который она делила с Сеньоном. С тех пор прошло больше года, и теперь Гильем был неотъемлемой частью их маленькой команды.

– Я что, проспал всю войнушку? – спросил Гильем, не вынимая изо рта сигарету.

– Ты вроде на больничном...

– Учитывая обстоятельства, уже нет, к тому же, температура у меня в норме. А тут такая каша заварилась – говорят, у полкана только что было совещание с прокурором. Знаете что, когда в следующий раз полезете в иммигрантский район, не забудьте взять с собой вьетнашку, то есть меня, хорошего друга. Черный громила и белобрысая пигалица – это хорошо, но с вьетнашкой лучше.

– Вот если бы так сказала я, меня бы обвинили в расизме, – протянула Лудивина.

– А надо было правильно родиться, милочка, в какой-нибудь крошечной этнической группке. Ну так что? Кто у нас покойник?

– Личность пока не установлена.

– Убийство?

– Выглядит именно так, – кивнул Сеньон. – Ждем новостей от СИПов¹⁶. Лулу допросила местных пацанов, чтобы составить словесный портрет Чудилы – это парень, которого мы тут искали. Но и так было ясно, что жертва – не он.

– Как-как? Чудила? – переспросил Гильем. – Дурацкая кличка...

– Это единственное, что нам о нем известно.

– Значит, он убийца?

Лудивина пожала плечами, и Гильем продолжил:

– Или убийцы – поделщики тех наркоторговцев, которых вы прошлой ночью взяли? Решили убрать свидетеля...

– Или кто-то из той банды, что поставляла им человеческую кожу, – подхватила Лудивина. – Сначала надо выяснить личность жертвы, а потом уже строить предположения.

– Я слышал, что об этом деле говорил Жиан. Офигеть! Человеческая кожа – надо ж до такого дойти...

– Новостей о задержанных нет? – спросил Сеньон.

– Я заскочил в отдел, перед тем как приехать сюда. Похоже, ничего нового. Во время обысков нашли чуток наркоты, кучу денег и оружие – достаточно для того, чтобы предъявить обвинение.

– Других кусков кожи у них не было?

– Нет. А вы тут, похоже, навешали местным пацанам и всех отпустили домой, к мамкам?

– Они и так получили хороший урок, – хмыкнул Сеньон. – Хватит с них.

– То есть вы уверены, что они никак не связаны с убийством в бараке?

– Уверены. Никак. Эта мелочь пузатая просто защищала свою территорию и хотела наподдавать легавым.

Лудивина, заметив знакомый силуэт за окном, вышла из машины. К парковке шагал Филипп Николя, на ходу снимая белый комбинезон и перчатки. Забросив все это в пакет для мусора, он поправил ладонью прическу: волосы были гладко зачесаны со лба назад и словно напомажены, а на затылке завивались мелкими кудряшками. Облик дополняли поло от «Ральфа Лорена», узкие джинсы в обтяжку, кожаные туфли, дорогие часы и свежий загар из солярия. Он закинул в рот пластинку жевательной резинки и направился к трем жандармам. Филипп, давний знакомый Лудивины, был назначен криминалистом-координатором на это дело – ему предстояло курировать все экспертизы и осуществлять обмен информацией между следователями и экспертными лабораториями.

– Дерьмовое дерьмище, – сообщил он вместо приветствия.

– Почему? Никаких улик, что ли?

– Уж лучше бы совсем никаких. Их до хрена! В бараке черт знает что творится. Там ДНК всей Сены-Сен-Дени¹⁷, отпечатков выше крыши, а материала для анализа столько, что пробами можно загрузить штук пять фургонов. Короче, друзья, на науку в этом деле не рассчитывайте.

– Как это? – нахмурился Гильем.

– Слишком много лишнего. В бараке на всех пяти этажах и в подвалах месяцами ночевали толпы народа. Мы просто не справимся. Криминалисты собрали все, что было вокруг тела, еще они займутся квартирой, но *that's it*¹⁸. И в любом случае нам не дадут добро на такое количество экспертиз. Только на анализ ДНК понадобится весь годовой бюджет Министерства юстиции, так что забудьте.

¹⁶ Специалисты по идентификации преступников, сотрудники Экспертно-криминалистической службы Национальной жандармерии. – Прим. авт.

¹⁷ Сена-Сен-Дени – департамент региона Иль-де-Франс, где находится коммуна Ла-Курнев.

¹⁸ Это все (англ).

– Оцените разницу между «С.С.И. Майами»¹⁹ и «С.С.И. Ла-Курнев», – хмыкнул Гильем. – Стало быть, работаем по старинке: свидетельские показания, лупа и дедукция?

– Увы, мне очень жаль, – развел руками Филипп Николя. – Вы получите заключение судмедэксперта, а если парни найдут в квартире материал для анализа ДНК и отпечатки, очевидным образом имеющие отношение к преступлению, мы пробьем их по базе и я передам вам результаты. Но это все, что я могу сделать.

– Материал из квартиры – это уже неплохо, – сказала Лудивина. – Я не видела, был ли тот тип, который убегал с места преступления, в перчатках, но он наверняка не раз хватался там за ручку двери. Так что, если повезет...

– А мертвые животные? – спросил Сеньон.

Филипп Николя всплеснул руками:

– О-о! Я похож на человека, который добровольно будет копаться в той куче? Ты видел этот дерьмоотстойник? Попроси пожарных поделиться впечатлениями, после того как они его выгребут.

– Но там же могут быть улики!

Криминалист-координатор широким жестом указал на барак:

– Прошу! Ищи их, сколько твоей душе будет угодно! Не отказывай себе в удовольствии!

– Специалисты уже закончили? Можно туда войти?

– Вам троим можно, СИПы свою работу сделали, сейчас будут выносить тело.

Криминалист зашагал к барaku, Лудивина увязалась за ним, а Сеньон положил руку на плечо Гильему:

– Я никогда тебя не спрашивал... Ты верующий?

– Э-э... В церковь не хожу, но в общем да, верующий. А что?

– Тогда рекомендую помолиться.

– Не темни, Сеньон. К чему ты клонишь?

– Когда войдем в барак, сам увидишь. Если дьявол существует, сейчас ты попадешь в логово одного из его эмиссаров. – Сеньон хлопнул коллегу по плечу и пошел за Лудивиной и Филиппом.

Заинтригованный Гильем пару секунд смотрел им вслед с некоторой опаской, затем тоже направился к барaku.

* * *

С канделябра свисала цепочка, на цепочке раскачивалась металлическая подвеска – круг из паутины. Этот маятник отмерял время странного, причудливого мира вокруг. Лудивина остановила его двумя пальцами и огляделась. Чудила собрал в одной комнате множество диковинных вещей и старой мебели. На первый взгляд бесполезные, все эти предметы имели важное значение, подчинялись определенной логике, возможно, служили ориентирами в личной вселенной их владельца.

Команда из отдела идентификации преступников расставила повсюду прожекторы на треножниках, чтобы собрать и исследовать улики. Так что в квартире с замурованными окнами, которая совсем недавно походила на затопленную мраком пещеру, теперь стало светло как днем, и от этого находиться здесь было еще неуютнее: стены, сплошь покрытые эзотерическими надписями, нанесенными кровью убитых животных, кишачая червями и мухами гора их останков и длинная захламленная комната с исповедальней, в которой сидел труп, предстали во всей своей невыносимой мерзости. СИПы в белых комбинезонах уже складывали инструменты; несколько сумок были набиты пакетиками с образцами для анализа. На дверных

¹⁹ «С.С.И. Майами» – американский сериал о работе группы криминалистов.

ручках и косяках остался черный порошок, который они использовали для снятия отпечатков, и такие же пятна виднелись на всех поверхностях, где предположительно могли остаться «пальчики». Ребята махнули рукой Филиппу Николя, поздоровались с тремя жандармами в гражданском и закинули сумки на плечи.

– Оставьте прожекторы, парни, – попросил криминалист-координатор. – А «Блюстар» вы не применяли?

Лудивина мысленно перелистала учебник криминалистики. Реагент под названием «Блюстар» позволял обнаружить следы смывтой крови на вычищенных поверхностях даже спустя много лет. Он заменил традиционный люминол, который попутно разрушает содержащуюся в крови ДНК. Благодаря «Блюстару» стало возможным проведение генетической экспертизы найденных образцов.

Один из СИПов обвел рукой стены, исписанные туманными словами:

– Да тут повсюду кровища! Не вижу необходимости искать еще и скрытые следы.

Филипп Николя покивал, словно признавая, что ляпнул, не подумав. Главное отличие между детективными романами и реальными расследованиями в этом и состоит: вымышленные криминалисты неизменно пускают в дело все доступные методы, проводят все возможные анализы, не заботясь ни о потраченном времени, ни о выполнимости задачи, ни о финансовых расходах в первую очередь. Но любое расследование ограничено рамками строго просчитанного бюджета, и всякий раз решается вопрос, стоит ли игра свеч. Даже если бы специалисты собирали на местах преступлений максимум образцов, в дело пошла бы лишь малая их часть, потому что каждый лабораторный анализ стоит денег, а кошелек у Фемиды не бездонный. Особенно во времена, когда всем приходится потуже затягивать пояс. В периоды кризисов страдают и мертвые, и сама истина...

Лудивина достала из кармана фонарик, решив обследовать плохо освещенные закутки, и отправилась на прогулку по кафарнауму; Сеньон подошел к труп в исповедальне, а Гильем остался один в сторонке – все еще пребывал под впечатлением тошнотворного зрелища в виде горы из мертвых собак и кошек.

– Безумие какое-то, – пробормотал он. – Сколько же их там?..

Порог комнаты переступил жандарм в униформе. За ним следовал высокий, очень худой человек в поношенном костюме и джинсовой рубашке, с одной стороны торчащей поверх брючного ремня; в руке у него был кожаный чемоданчик.

– Доктор Леманн! – шагнул к нему Филипп Николя.

Лудивина радостно обернулась – Леманн был не только выдающейся личностью, но и самым компетентным судмедэкспертом из тех, кого она знала. Врач – взлохмаченный, с мутными глазами, будто его разбудили среди ночи, – поприветствовал всех сразу сдержанным кивком и, ни на кого не глядя, отправился осматривать место преступления. Проходя мимо кучи гниющих тушек, кишаших мухами, он обронил совершенно безразлично:

– Ничего себе пудинг.

Возле исповедальни Леманн поставил чемоданчик у ног Сеньона, достал оттуда пару латексных перчаток, хирургическое зеркальце и маленький фонарик, а затем приступил к внешнему осмотру трупа.

– Если бы мои пациенты знали... – пробормотал он, осторожно расстегивая ворот рубашки мертвеца, чтобы исследовать рану и шею.

– Что знали? – спросил только что подошедший Гильем.

– Чем я занимаюсь в перерывах между приемами! Приходя к врачу, все озабочены мыслями о собственных проблемах и о состоянии своего здоровья, но никто не думает о самом враче.

Лудивина невольно улыбнулась. Леманн параллельно с работой на жандармерию вел обычную медицинскую практику, чтобы «щупать не только холодное мясо», как он говорил, и

особое удовольствие ему доставляло пугать людей, которые принимали за чистую монету все его байки.

– Приходя на прием, – продолжал он, – больные ни на секунду не подозревают, что зеркальце у меня в руке за два часа до этого пригодилось для осмотра жертвы с перерезанным горлом. Я его дезинфицирую, разумеется, но все равно ведь забавно! Пациенты услужливо высовывают язык или раздвигают ягодичы и наклоняются, доверчиво выставляя на обозрение свою сокровенную сокровенность. Большинство из них воспротивились бы при мысли о том, что для их обследования я использую те же инструменты, что служат мне при осмотре разлагающихся трупов.

– Да ладно! – устался на него доверчивый Гильем. – Вы не меняете инструменты?

– Они металлические! – отрезал врач, помахав зеркальцем у него перед носом. – Мне что, покупать новые для каждого покойника и каждого пациента? Водичка, мыло – и полный порядок! Так, у нас тут самое начало трупного окоченения, глаза светлые, билатеральный мидриаз...

При этих словах Лудивина вспомнила то, что выучила не так давно. Билатеральный мидриаз – расширение обоих зрачков, признак смерти головного мозга, а также сильной боли, испытанной жертвой в последние мгновения жизни... *Может, тот, кто перерезал этому человеку горло, изготовил те самые куски кожи? Что, если мы имеем дело с серийным убийцей? С извращенцем, который упивается чужими страданиями, лишает свои жертвы возможности сопротивляться, чтобы в полной мере насладиться agonией? Современный вампир...*

Лудивина вдруг осознала, что почти рада такой вероятности. Нужно было срочно взять себя в руки, спуститься на землю. Она уже сталкивалась с подобными явлениями, и ничем хорошим это не закончилось. Ничем. Это был кошмар. Повсюду смерть, страдания, ужас. И все же с тех пор она ни разу не испытывала такого нервного подъема на работе, такой лихорадки...

Спокойствие, ты бредишь. Ведь ты ни за что на свете не согласишься пережить это снова.

Луч фонарика в ее руке прошелся по этажеркам и задержался на полке с коллекцией маленьких уродливых черепов, размером не больше клементина²⁰ каждый. Птицы. Десятки птиц. За ними стояли пластиковые баночки с пауками. Этажерка была слишком далеко, рассмотреть не удавалось, поэтому Лудивина протиснулась между двумя креслами с распоротой кожаной обивкой, обогнула колченогий мольберт, проскользнула мимо журнального столика, который оседлала пыльная лампа под выцветшим абажуром... Теперь можно было идти вдоль стены с книжными полками, заваленными всяким хламом, и внимательно его разглядывать.

Все это время судмедэксперт продолжал осмотр трупа в присутствии Сеньона. Сейчас они переговаривались вполголоса, и доктор Леманн, похоже, наконец обрел всю надлежащую серьезность.

Лудивина наклонилась к полке с флаконами, заткнутыми пробками, – и сразу отпрянула. Внутри были глаза. Желтые и зеленые, с вертикальными зрачками. Глазные яблоки животных. Рядом стояли банки с вырванными когтями. Дальше – птичьи лапки. Черные перья. Засушенная ящерица. Клок белой шерсти. И пузырьки с разноцветным порошком – красным, шафрановым, бежевым, коричневым... Лудивина находилась в логове безумца. Она продолжила исследование, не вполне понимая, что именно хочет найти. Нужны были более конкретные сведения о владельце квартиры – быть может, какой-то документ, который позволит установить личность, записная книжка, мобильный телефон, письма, что угодно, лишь бы это навело их на след. Но кроме нагромождения хлама и тошнотворных ингредиентов, ничего не попадалось.

²⁰ Гибрид мандарина и апельсина-королька. Выведен в 1902 году французским священником и селекционером братом Клеманом Родье.

В соседнюю комнату уже подоспела группа из пожарно-спасательной службы, и Гильем наблюдал, как ребята топчутся на месте, раздумывая, с чего начать, чтобы очистить помещение от горы гниющих тушек. В конце концов пожарные принялись закидывать их по одной в большие мешки для строительного мусора, кое-как подхватывая из общей кучи. Зловоние там стояло страшное, не помогали даже белые полумаски-респираторы, которые были на каждом.

Гильем оказывал им исключительно словесную поддержку.

– О, тут даже кролики есть, – скорбно комментировал он. – Почти все без головы! Головы свалены в кучу отдельно! У них нет глаз!

«Хочешь, покажу, где глаза?» – мысленно предложила ему Лудивина, застряв между шкафом и огромным холстом в раме – это была картина, разрезанная тремя взмахами ножа. На картине парусный корабль боролся за жизнь в разбушевавшемся море. «Прямо как я», – иронично подумала Лудивина и разозлилась на себя за пессимизм.

Еще минут двадцать она обшаривала полки и наконец сдалась. Ничего полезного здесь не было. В другом конце комнаты Сеньон, доктор Леманн и двое жандармов в форме принялись укладывать труп в мешок. Осмотр *in situ*²¹ был почти завершен.

Лудивина извивалась, изгибалась, изворачивалась и выкручивалась, чтобы добраться до конца этого лабиринта из предметов мебели и вещей, до тех пор, пока не оказалась в тупике – было ясно, что нужно возвращаться тем же путем, но от мысли, что снова понадобится пройти мимо желто-зеленых глаз, ей стало тошно. В итоге она опустилась на колени, морщась от боли в плече, и принялась высматривать проход под столами и столиками, накрытыми засаленными скатертями. *Надо бы в медпункт заглянуть – рука слишком сильно болит...* Но она себя знала: конечно же, никуда не пойдет.

В тот угол комнаты, где она сидела, свет прожекторов почти не попадал – все они были направлены на исповедальню. Лудивина зажала зубами рукоятку фонарика и поползла вперед, кряхтя от боли. Протиснувшись между банкеткой и свалкой пустых ящиков из-под шампанского, затем на четвереньках начала петлять под разномастными столами и столиками. Наглоталась пыли и, когда стало совсем невмоготу, села на пол, высморкалась и позволила себе немного отдышаться. На мгновение в этом густом лесу из ножек столов и стульев, под сенью «листвы» из ветхих, запачканных скатертей, она почувствовала себя маленькой девочкой. *Если меня тут сейчас увидят – изведут насмешками, до конца месяца не отстанут!* Она была рядом с участком стены, исписанным, как и все остальные, безумным автором. Красные чернила еще не остыли, когда он ими воспользовался. Это было омерзительно. Человек, сделавший это, вызывал отвращение.

В круг света от фонарика попали французские слова. Оказывается, не весь текст был на латыни, как ей показалось сначала. Лудивина подползла на животе поближе и приподнялась на локте, чтобы прочитать:

...Он существует! Он реален. Есть путь к обретению Его милости, есть способ причаститься Его всевластия. Зримые врата... Его пытались превратить в бесплотный образ, в миф, в легенду, которая годится лишь на то, чтобы пугать детей и простодушных, но каждый день перед рассветом и когда сгущаются сумерки, Он ступает на землю, являет Себя среди нас, лелеет грозные замыслы и приветает избранных, дабы сделать нас пророками, провозвестниками Его пришествия. Славься, Сатана! Да настанет царствие Твое! Да осветит сияние Твоих раскаленных углей наш мир и бросит на нас отблески Твоего...

Лудивина вздохнула. И вот этой чушью исписаны все стены в квартире. Чудила не терял времени, только разум.

²¹ Здесь: места преступления (лат.).

Она продолжила свой путь по-пластунски, как боец на поле битвы, проползла мимо тухлявого сундука по дырявому паласу и увидела проход к исповедальне и ноги коллег, стоявших вокруг черного чехла, из которого торчала рука, сведенная смертельной судорогой. *Ну наконец-то. А то я тут как Алиса в Зазеркалье. Словно попала в другой, мрачный мир без ориентиров...*

Она выбралась из-под очередного столика, задев скатерть, с которой на нее тут же осыпались клубы пыли, начала отряхиваться и случайно заметила, что один из ковриков, устилавших главный проход, лежит криво. Остальные выстроились ровной цепочкой, словно обозначая дорогу от входа в комнату до исповедальни, а этот немного выбивался из ряда. Лудивина привстала на коленях и посветила на него фонариком. Вдоль края коврика серый слой грязи, покрывавший весь линолеум на полу, был светлее. Когда старую картину снимают со стены, где она провисела много лет, под ней остается такой же бледный прямоугольник. *Этот коврик сдвинули на пару сантиметров...*

Она подползла ближе и внимательно осмотрела участок пола в поисках крови или отпечатка подошвы – без особых надежд, конечно, потому что с момента обнаружения трупа здесь уже прошла туда и обратно толпа народа.

Сдвинули или... неаккуратно положили на место.

Лудивина откинула коврик размером с пляжное полотенце. Старый линолеум под ним был разрезан, а в деревянном перекрытии пола пробита дыра. Дыру прикрывала доска, просто положенная сверху, – не слишком надежный тайник, но только если знаешь, где он находится. Лудивина подцепила доску пальцами, подняла ее и достала из небольшого углубления прямоугольный предмет, завернутый в ткань.

Сеньон, заметивший коллегу, сразу подошел:

– Что это?

– Сокровище Чудилы! Судя по его наклонностям, надо ожидать худшего...

Сеньон протянул ей пару латексных перчаток, Лудивина надела их и медленно развернула ткань. Под тканью была книга формата *in-quarto* в переплете, обтянутом каким-то тонким материалом кремового цвета с янтарным отливом, переходящим в коричневатый.

– Названия нет, – констатировала Лудивина, повертев книгу в руках и окинув взглядом обе крышки переплета и корешок.

– Что это за материал? – Сеньон забрал у напарницы фонарик, который она только что опять сунула в зубы, и осветил книгу. Стала отчетливо видна странная текстура, похожая на пергамент, неровная, с рыжеватыми пятнышками.

И тогда они все поняли.

9

Истериически завершала микроволновка, и Лудивина, погруженная в размышления, очнулась. Достала оттуда миску с китайской лапшой, воткнула в нее вилку и вернулась на софу, над которой висела картина Фаццино – Манхэттен в стиле трехмерного поп-арта переливался кристаллами Сваровски, отражавшими свет единственной галогеновой лампочки в другом конце гостиной. Лудивина была вымотана до предела. Голова шла кругом: сначала ночная погоня за наркоторговцами, потом невероятный день, который закончился ошеломительным открытием.

Она никак не могла прийти в себя. Книга в переплете, обтянутом человеческой кожей... Тогда, сидя на полу в бараке, Лудивина открыла ее, чувствуя, как внутри все переворачивается, будто на этих страницах запечатлены самые жуткие тайны мироздания. Название все-таки было, всего одно слово. На первой странице готическими буквами от руки автор написал: «Некрономикон».

А дальше теснились убогие строчки агрессивного, с длинными палочками и острыми петлями почерка безумца. Он походил на тот, что покрывал в квартире Чудилы стены от пола до потолка, но выглядел более аккуратно. Автор выбрал для себя особый жанр. «Некрономикон» оказался дневником, прибежищем мыслей человека, который посвятил себя служению хозяину. Лудивина лишь пролистала книгу, но успела это понять. Еще там были рисунки, десятки набросков, иногда на всю страницу: распоротые животы, отрубленные головы, изуверченные животные, женщины с отрезанными руками, мужчины с козлиными мордами вместо лица. Один из рисунков иллюстрировал принцип работы часов, сделанных из множества сросшихся человеческих тел – жизнь вытекала из них в ритме сердцебиения, и капли крови отмеряли время. Дневник был не закончен – автор исписал всего лишь треть книги, – на основании чего Лудивина, Сеньон и Гильем пришли к логичному выводу, что это Чудила и что он захочет вернуть себе свое творение, существующее в единственном экземпляре. Подозрение, что жертвой убийства в исповедальне стал не он, подтвердилось – достаточно было показать фотографию человека с перерезанным горлом Жозефу, тому самому болтуну из банды наркоторговцев, чтобы в этом убедиться. Покойник оказался местным жителем, «придурком», как выразился Жозеф, «говнороем, готовым на все, чтобы накопать бабла». В этот раз он, видимо, сунулся не в ту кучу и не в то время...

Сейчас «Некрономикон» находился в полной безопасности в Отделе расследований и ждал, когда Лудивина с коллегами начнет его читать на предмет любой информации о личности автора, то есть всего того, что поможет его найти. Пока что, в том состоянии, в каком Лудивина вернулась из Ла-Курнев, она не была способна прочесть ни строчки.

Приближалась полночь, и только сейчас ей впервые за день удалось нормально поесть, если, конечно, миску китайской лапши можно признать нормальной едой.

Чудила наверняка захочет получить свой дневник обратно. Если он чем и дорожит, так, несомненно, этой книжечкой.

Поначалу она хотела поставить у барака скрытые камеры, чтобы засечь Чудилу, если тот вернется ночью. Но просто опечатать квартиру, ставшую местом преступления, снять оцепление и оставить барак без присмотра внушительного отряда моторизованной жандармерии было невозможно – толпа любопытных местных жителей сразу ринется туда, как только увидит, что охраны нет. Так что план не удался.

Зачем ты начал писать эту чушь? У тебя ведь была какая-то причина?

А с какой стати у него должна быть причина? Лудивина всегда старалась найти объяснение каждому поступку, каждой навязчивой идее преступников, но в случае с Чудилой все очень походило на религиозный бред, вызванный тяжелым психическим расстройством.

Чудила записывал свои сатанинские мысли в книге с переплетом из человеческой кожи – и этим все сказано. Бесплезно искать другие объяснения. Он настоящий псих.

Лудивина расправилась с лапшой несколькими взмахами вилки и пошла в ванную. Раздевшись перед зеркалом, она обнаружила огромный кровоподтек, расплзшийся по плечу и руке до локтя, как черная татуировка. Стало понятно, почему вся эта сторона тела немеет и она чувствует такую слабость при любом движении.

– Суки! – громко констатировала Лудивина.

Утешало лишь то, что они с Сеньоном их здорово уделали.

Душ немного привел ее в чувство – как будто горячая вода вместе с потом и грязью смыла нервное напряжение. Лудивина надела атласные шорты, майку и залезла под одеяло в спальне. Она была без сил и в то же время понимала, что быстро заснуть не удастся – тело и мозг были перевозбуждены событиями ночи и дня.

Вот сейчас бы пригодился хороший любовник...

Она рухнула на подушки, закинув руки за голову. Какой любовник? И так уже надедала глупостей за короткое время. Слишком много алкоголя, ночных загулов по барам... и несколько незнакомцев... Вела себя как идиотка. Постоянно пыталась сбежать от себя самой.

Последние двадцать четыре часа были чересчур насыщенными, надо расслабиться... Чтобы заставить себя заснуть, она погасила свет и принялась ждать, когда сон сам накроет ее волной.

Через полчаса Лудивина села в кровати и зашарила по тумбочке в поисках валявшегося там айпэда. Бывают моменты, когда бесполезно себя обманывать: заснуть все равно не удастся.

Название книги в переплете из человеческой кожи сразу показалось ей знакомым. Где-то она его уже видела. Лудивина набрала в поисковике «Некрономикон» и пробежала взглядом по результатам. Ссылок набралось много. Невероятное количество. Теперь уже она села поудобнее и включила прикроватную лампу.

«Некрономикон» был легендой, проклятым текстом, «книгой, что сводит с ума», как некоторые его называли. Это произведение, якобы созданное Говардом Филлипсом Лавкрафтом в начале двадцатого века, стало частью мифологии урбанистической эпохи. Одни считали, что его никогда не существовало, другие собирали тонны «доказательств» его следов в истории. Одни пытались выдать проклятую книгу за литературную мистификацию, другие считали ее подлинным гримуаром, таящим самые удивительные и пугающие секреты вселенной, вратами в обитель чудовищных божеств, дорогой к безумию.

И что же получается? Чудила начал писать дневник, чтобы сочинить настоящий «Некрономикон»? Или это была дань уважения мерзким тварям, которые, как предполагается, описаны в оригинале?

Просматривая сайты, выданные поисковой страницей, Лудивина испытывала навязчивое, нарастающее желание разгадать тайну дневника.

Еще через полчаса она вскочила с кровати и натянула джинсы.

С самого начала было ясно – глупо рассчитывать на победу над собственными демонами. Можно лишь притвориться, будто их нет, чтобы выиграть немного времени.

В темной спальне демоны Лудивины потирали руки, глядя, как она выходит из квартиры. Победа опять осталась за ними.

* * *

Кабинет Лудивины в здании жандармерии затопил полумрак. Неоновые лампы под потолком она включать не стала – зажгла только настольную возле компьютера, чтобы свет не резал глаза. За время недолгой прогулки от своего дома до старых казарм она окончательно поняла, что хочет прочитать дневник полностью.

Книга, обтянутая человеческой кожей, лежала на том же месте, где Лудивина ее оставила тремя часами раньше. Филипп Николя собственноручно обработал ее полилайтом²², выявив множество папиллярных отпечатков. Поскольку была велика вероятность того, что придется проводить разные анализы кожи с переплета, он пока не стал ее трогать, но взял множество образцов для экспертизы из внутреннего блока. Лудивина, решив, что теперь можно обойтись без перчаток, уселась в кресло и взяла дневник в руки.

Переплет оказался на ощупь весьма специфическим. Она как будто прикоснулась к кому-то... *чудовищно холодному*. По телу пробежала неприятная дрожь.

Вдруг ей почудилось, что из коридора доносится шепот. Она обернулась, но в темноте ничего не увидела. Этой ночью она была одна на этаже. Большинство жандармов ночевали в здании напротив старых казарм, остальные, так же, как Лудивина, жили в городе поблизости от места работы.

Она снова положила ладонь на переплет и погладила его, болезненно скривившись, ожидая, что почувствует под рукой мягкую прохладную текстуру.

Книга покрылась мурашками.

Лудивина отпрянула, вжавшись в спинку кресла и затаив дыхание. Зажмурилась, открыла глаза и сказала себе, что это галлюцинация.

Ну ты совсем не в себе, подруга. Теперь у тебя еще и приступы бреда?

Она понимала, что воображение – это страшная сила, особенно в соседстве с усталостью и перенапряжением, но все-таки... Нет, дневник не мог задрожать и покрыться мурашками. Это ее собственные ощущения. Это происходит у нее в голове.

Несколько секунд глубокого дыхания успокоили Лудивину и рассеяли сомнения. Она открыла дневник.

Чернила оказались обычные, черные, – уже что-то, первый положительный момент. На страницах она не увидела крови, а листы были сделаны из настоящей бумаги. Только переплет наводил ужас.

И сам текст.

Чудила вложил в него все свое преклонение перед дьяволом и беззаветную преданность. В этом дневнике он фиксировал не физические, а психологические события, это было упражнение в вере. Автор не рассказывал о том, что происходит в его повседневной жизни, о привычках и поступках, в нем не было никаких практических указаний, за исключением большого пассажа о необходимости жертвоприношений, чтобы умиротворить Зверя – тут уж он приво-дил множество подробностей и подкреплял слова набросками, точными и детализированными настолько, насколько позволяли Чудиле его художественные способности. Он определенно своими глазами видел все эти разверстые, выпотрошенные тела. И не только животных, кото-рых собственноручно приносил в жертву. Дневник пестрел зарисованными человеческими торсами, отрубленными головами, изувеченными телами.

Был ли он свидетелем убийств или совершал их лично? А может, всего-навсего черпал вдохновение в Интернете?

Чудила свел банду Жозефа с лилльским свежевателем, следовательно, он знает убийцу или даже служит ему подручным!

Но в дневнике не упоминалось ни о каких сообщниках. Лудивина, стараясь ничего не упустить, прочитала еще десяток страниц. Там говорилось о том, что среди нас, на земле, живут чудовища. Их тьма, они повсюду, безымянные, затерявшиеся в толпе. Монстры в человеческом обличье, порождения мрака, проекция зла в нашем масштабе. Чудила писал, что некоторые человеческие существа рождаются «порченными». Достаточно понаблюдать за детьми, играю-

²² Полилайт – осветительный прибор, применяемый криминалистами для поиска вещественных доказательств: отпечатков пальцев, биологических жидкостей, пороховых следов и т. д.

щими во дворе, чтобы это заметить. Время от времени в ком-нибудь из них проглядывает дьявол – коварный, изворотливый, злокозненный. Дьявольское дитя ведет себя не так, как все, и таким его сделало не общество с его пороками – общество этого еще не успело. Ребенок родился «плохим». А подрастая, он становится еще хуже. Самые хитрые быстро учатся скрывать свою истинную натуру, следовать «темным импульсам» где-нибудь подальше от чужих взглядов; для остальных все заканчивается тюрьмой, их объявляют «пропавшими», неисправимыми рецидивистами. Это верное определение – они неисправимы, неизлечимы, поскольку для того, чтобы исправиться или излечиться, где-то внутри нужно иметь здоровую основу, подлежащую восстановлению, если что-то пошло не так. Но они ничего подобного никогда не имели. Такие люди – воплощение демонов, забытых древних божеств из других измерений, непостижимых для человека. Пресловутый «темный импульс», неосознанное стремление к злу, лихорадочное, неотступное, неодолимое желание, о котором говорят некоторые убийцы и насильники, – не что иное, как признак присутствия демона у них внутри. Импульсы – это язык, с помощью которого демоны изъясняются, дают указания, заявляют о себе.

И все вместе эти сущности служат Хозяину с большой буквы, объединителю, тому, кто сейчас собирает войско с целью захватить власть над обществом, которое наконец готово ему поклониться. Ему, то есть дьяволу, Сатане. У него еще много имен.

Дуновение из коридора вывело Лудивину из задумчивости. На этот раз она явственно услышала шепот. Кто-то вдалеке пробормотал неразборчивые слова, их подхватил и принес сквозняк.

Она положила «Некрономикон» на стол и вышла из кабинета, чтобы включить в коридоре свет. Неоновые лампы защелкали и затрещали одна за другой, разгоняя тьму по лестничным площадкам. На этаже, как и ожидалось, было пусто.

Ты сходишь с ума, подруга. Все-таки надо бы поспать.

Вернувшись вместо этого к чтению, Лудивина снова пережила мерзкое чувство, что книга дрожит под пальцами, но она опять все списала на усталость и разгулявшееся воображение.

Ее заинтриговали многочисленные упоминания о «вратах, ведущих к дьяволу» и о его «шепотах». Сатана, по мнению автора, дает о себе знать через желания, «импульсы», которые испытывают не только те, о ком говорилось выше, но и большинство простых смертных. Чудила подчеркивал разницу между воплощениями демонов – чудовищами в человеческом обличье – и обычными людьми, носителями дьявольского искушения, пронизывающего весь наш род. В каждом изначально присутствует некий изъян творения, забытые врата, о которых ведомо лишь дьяволу и которые позволяют ему завлечь любого в свои тенета, даже самых лучших из нас, в момент величайшей слабости.

Еще один любопытный момент: автор настойчиво возвращался к мысли о том, что дьявол – не миф, а реальная сущность; утверждал, что встречал его множество раз, видел это абсолютное, завораживающее своим могуществом воплощение зла, чье царствие наступит неотвратно; его присутствие, мол, производит столь ошеломительное впечатление, что сразу проникаешься почтением и вечной преданностью. При этом Чудила ни разу не назвал ни имени, ни места, где состоялась встреча.

Лудивина закончила чтение с некоторым разочарованием. Нескончаемые литании Сатане, имеющему конкретное воплощение, не шли из головы. Она убедилась, что дневник обрывается на полуслове, и подумала, что продолжение, возможно, было бы более информативным, потому что пока ей не удалось найти ничего полезного для установления личности автора.

Неоновые лампы в коридоре вдруг замигали и одновременно погасли.

Лудивина развернулась на кресле к открытой двери. На этаже кто-то есть? Может, какой-нибудь офицер из дома напротив увидел, что в казармах на всем этаже горит свет, и пришел

выключить? *Да, другого объяснения быть не может...* Настольная лампа у нее в кабинете не погасла, значит, дело не в перебоях с электричеством. *Ну застанут меня здесь ночью. Ничего страшного.*

Лудивина вернулась на рабочее место и внимательно осмотрела саму книгу. Страницы были приятные на ощупь, из плотной бумаги очень хорошего качества. Она поднесла дневник поближе к лампе, и ее догадка подтвердилась: в центре каждого листа на просвет проступал водяной знак: пентаграмма. На чистых страницах она, конечно, была виднее, что объясняло, почему Лудивина не заметила ее сразу. Выходит, для Чудилы было важно, на чем писать дневник, тут дело было не только в покрытии переплета человеческой кожей – он тщательно подбирал саму книгу для записей. Лудивина почувствовала след.

Такие книги для записей не валяются на каждом углу.

Она включила компьютер и начала искать сайты интернет-магазинов, специализирующихся на продаже эзотерических, то есть сатанинских штучек. Таких сайтов, на английском языке включительно, оказалось больше, чем Лудивина ожидала. Похоже, Сатана никогда еще не был так популярен...

Через несколько минут она решила ограничиться сайтами на французском. У Чудилы не было постоянного места проживания, адреса, стабильного существования, наверняка отсутствовал банковский счет, и что-то заказать в Интернете он мог лишь каким-то чудом, а значит, иностранные магазины исключаются – даже если предположить, что Чудила знает английский, в них невозможна оплата наличными. Ссылок на французские сайты тоже было хоть отбавляй, так что Лудивина потратила целый час, но ничего похожего на книгу для записей, которая была у нее в руках, так и не нашла.

Определенно, Чудила не мог изготовить ее самостоятельно – это была качественная работа, сделанная профессионалом...

– Какая же я дура! – вырвалось у Лудивины. Она быстро открыла первый форзац, который оказался пустым, заглянула в конец книги – и сразу нашла то, что искала. Информацию о мастере. И даже лучше – прямо-таки приглашение в гости: «Изготовлено вручную Жабаром. Рынок Вернезон, Сент-Уан».

Лудивина захлопнула книгу и встала с кресла размять ноги. Мастер наверняка мало что сможет рассказать о Чудиле, но когда этот псих убедится, что заполучить обратно свой драгоценный дневник не удастся, он постарается раздобыть еще одну такую же книгу для записей. И пойдет напрямик к Жабару.

След, конечно, был так себе, многого не обещал, и Лудивина это понимала, но все-таки он давал возможность сделать первый шаг в расследовании. Она задумчиво побарабанила ногтями по лакированной столешнице. Напротив было рабочее место, раньше принадлежавшее Алексису. Теперь Гильем обустроил его на свой вкус – повесил флажок футбольного клуба «Париж – Сен-Жермен», постеры музыкальных групп Seven и Usual Suspects, но дух ее бывшего коллеги и любимого мужчины никуда не делся, Лудивина словно видела в полумраке, как Алексис сидит за своим столом. Невозможно было его забыть. Они провели вместе совсем мало времени, но это был невероятно насыщенный, интенсивный период жизни... Оба словно повиновались импульсу, толкнувшему их друг к другу, и, если это те самые «врата, ведущие к дьяволу», Лудивина была согласна заглядывать к нему почаще.

Она глупо рассмеялась. Воспоминания об Алексисе нахлынули волной. Он снова был здесь – улыбающийся или сосредоточенный, уткнувшийся носом в монитор или весело болтающий о победе своей любимой американской футбольной команды...

Лудивина моргнула несколько раз и постаралась взять себя в руки.

Нужно поспать, без отдыха не обойтись. Чересчур много событий и эмоций за одни сутки. В конце концов она решила выпить снотворное, хоть и понимала, что это будет проявление слабости – слишком уж удобный и потому опасный способ справляться с бессонницей, к нему

легко привыкнуть, а она и так уже сидит на успокоительном. Таблетки надо бы приберечь для вечеров, когда обостряется хандра, но сегодня ночью можно сделать исключение.

Пора было возвращаться домой.

У нее за спиной по кабинету пронесся шепоток, разбавленный на этот раз едва различимыми вскриками и зловещим смехом. Лудивина вздрогнула, сердце кольнуло страхом.

Она уставилась на книгу в переплете из человеческой кожи.

И только после этого огляделась в поисках источника шума. Может, включился какой-то рекламный видеоролик в Интернете?.. Но экран ее монитора уже ушел в спящий режим.

Просто здесь темно, я начиталась призывов дьявола, плохо соображаю...

Лудивина не сомневалась, что ей почудилось.

Да, именно. Дело в усталости и моем буйном воображении.

И все же она отчетливо слышала отголоски далекого дьявольского хохота, исходившие со страниц «Некрономикона»... *Стоп! Так до всякой ерунды додуматься можно.*

Она потеряла щеки, стараясь немного взбодриться. Срочно домой, спать, подзарядиться, снять напряжение, разогнать дурацкие мысли...

По крайней мере, я понимаю, что брежу, а то ведь могло быть и хуже – приняла бы все всерьез!

Однако, укладывая дневник обратно в матерчатую сумку, она постаралась не прикасаться к нему голыми руками.

Наверное, все-таки в ней говорят остатки суеверий.

Лудивина положила книгу на этажерку, выключила свет, и тьма окутала ее без единого шепота и вздоха.

10

В будний день блошинный рынок Сент-Уана был похож на толстого кота, разомлевшего на весеннем солнышке. Кот дремал, но нет-нет да и поглядывал вокруг из-под полуопущенных век, готовый наброситься на первую же мышь, неосторожно сунувшую в эти края любопытный нос.

Народу на улочках и в узких торговых рядах было мало, а кое-где и вовсе ни души; витрины большинства магазинчиков прятались за серыми металлическими ставнями, у открытых прилавков не было видно продавцов. Ни орды зевак, ни бродячих старьевщиков, ни туристов.

Лудивина с Сеньоном вошли в крытый пассаж и запетляли по лабиринту торговых рядов, но им лишь изредка попадались антиквары, пришедшие подлатать товар у себя в лавках, или редкие оптимисты, никогда не запиравшие заведения. Лудивина подошла к одному из таких с вопросом, где найти Жабара. Он не знал, второй тоже; третий ответил, да так, что подробно расписанный маршрут отсюда и до торговца эзотерическими диковинками был достоин эстрадного скетча. Сеньон держался чуть поодаль, стоял, засунув руки в карманы серой толстовки «Бруклин Индастриз», грозно и цепко поглядывая вокруг, точно сторожевой пес. С тех пор как отпустил усы, он стал все больше походить на британского актера Идриса Эльбу и все меньше на расхожий образ жандарма.

Лудивина победно помахала у него перед носом клочком бумаги, на котором записала инструкции антиквара. Гильема они оставили в Отделе расследований собирать протоколы опросов обитателей Ла-Курнев, живущих по соседству с баракком. Поклонник гавайских рубашек был скорее аналитиком, как он сам любил повторять, кабинетным мыслителем, королем деталей, нежели оперативником, и двое коллег не упускали случая свалить на него бумажную работу.

– Ты что-то плохо выглядишь сегодня, – заметил Сеньон, пока они пробирались по проходу, заваленному пустыми картонными коробками. – Опять бессонница?

– Заботаешься о моем здоровье? – хмыкнула Лудивина. – Как мило...

– Слушай, приходи к нам ужинать почаще, Летиция тебе всегда рада. Постоянно спрашивает, как у тебя дела.

После квебекской авантюры Сеньон с женой окружили Лудивину заботой, и в первые недели она их стараниями не чувствовала себя одинокой. А потом решила провести остаток отпуска в Альпах, куда ее привело навязчивое желание исследовать образ мыслей самых извращенных психопатов, залезть к ним в душу и научиться у лучших специалистов тому, о чем не прочитаешь ни в одной книге.

– Просто кошмар приснился.

– Это из-за вчерашнего?

– Из-за всего. Не беспокойся, Сеньон, ерунда.

– Вот уж нет, меня эта ерунда беспокоит. У тебя в последнее время по утрам круги под глазами аж до самого подбородка. Прошлым летом я думал, тебе стало лучше, наконец-то все наладилось, но после зимы у тебя, похоже, начался рецидив – опять в тоску впадаешь, я же вижу.

Лудивина поджала губы. Она не знала, что ему ответить, а лгать не хотелось – искренний и верный Сеньон этого не заслуживал.

– Бывают взлеты и падения, что поделать, – призналась она.

– То, что тогда случилось, сказалось на нас обоих, не забывай. Я сам выжил только потому, что целую ночь просидел в шкафу. Не геройская победа, согласись. Но я оставил все в прошлом.

– Ты все равно об этом часто думаешь, я тоже это вижу. В такие моменты у тебя бывает очень грустный взгляд.

– Это нормально. Прошрое – часть меня, но я на нем не заиклился, просто перешел на новый уровень. Привел себя в порядок и стараюсь шагать дальше.

– У тебя же семья, поэтому нет выбора.

– Верно, это мне очень помогает. И тебе тоже неплохо бы обзавестись семьей, Лулу. Нарожай детей от какого-нибудь хорошего парня – тебе это пойдет на пользу, я точно знаю.

Лудивина невесело рассмеялась:

– Хорошего парня нужно еще найти!

Сеньон обвел широким жестом весь мир:

– Только не говори мне, что такой красоте, да при такой офигенной заднице, приходится его с фонарем искать! В мире полно хороших парней!

– В том-то и дело, Сеньон: выбор слишком большой. Глобализация открыла нам горизонты, и вдруг оказалось, что слишком большой выбор убивает саму возможность выбора.

– Да ладно, что ты несешь! Зачем далеко ходить? Познакомиться можно где угодно – у друзей, в Интернете, на службе. Если бы ты действительно этого хотела, уже обеспечила бы себе увлекательную любовную историю.

– Проблема в том, что у меня этих историй – завались, хватит на целый сборник рассказов, но для настоящего романа ни одна не годится.

Сеньон вдруг обхватил ее за плечи и горячо прижал к себе. Рядом с этим здоровяком Лудивина казалась совсем маленькой и хрупкой. Она болезненно поморщилась, когда он задел травмированную руку.

– Не кисни, Лулу, ты обязательно напишешь свой прекрасный любовный роман. Я даже уверен, что это будет нескончаемая эпическая сага! Просто тебе нужно мыслить позитивно. Все неприятности – они только здесь, в твоей раскудрявой головке.

Лудивина выдавила улыбку, чтобы порадовать друга, но на сердце было тяжело. Она не верила, что у нее может быть нормальная жизнь, такая, как у всех, – что ей суждено выйти замуж, родить детей...

– Помнишь, я говорил тебе о своем кузене? – не унимался Сеньон. Бедного родственника он пытался пристроить уже не в первый раз.

– О нет! Только не это! – ужаснулась Лудивина.

– А что не так? Отказываешься из-за того, что он черный, да? Знаешь, пора бы уже стать современной женщиной! Прекрасные блондинки отлично смотрятся рядом с красивыми черными парнями. Посмотри на нас с Летицией!

Лудивина лишь досадливо покачала головой.

Они свернули из центральных рядов в узкие боковые проходы, крытые волнистыми панелями из мутного, почти непрозрачного пластика, плохо пропускавшего солнечный свет. Некоторые торговцы только что открыли свои заведения, выставив перед ними товар и тем самым еще больше сузив проход. Здесь продавали в основном старую мебель, по пути попадались лавчонки со старинными часами, коврами, серебряной посудой, картинами в кракелюрах, еще каким-то антиквариатом. Почтовых открыток, винтажных фотографий и декоративных тарелок было целое море. Столы и стулья громоздились пирамидами у витрин, скатанные ковры подпирали стены, и над всем этим витал дух старины.

Заложив в лабиринте пару крутых виражей и постояв в нерешительности на нескольких развилках, двое жандармов наконец добрались до небольшого магазинчика, зажатого между лавками антиквара и торговца старинными куклами. Две деревянные тумбы почти заслоняли витрину; за ними виднелись полки, уставленные покрытыми патиной безделушками – в основном там были старые кольца, лупы, причудливые пресс-папье в форме когтистых лап, козлиных голов или пирамидок с инкрустированным глазом. Изрядную часть экспозиции занимали

пожелтевшие книги и человеческие черепа из пластмассы, выполненные настолько реалистично, что казались настоящими. Удача наконец-то улыбнулась – логово Жабара оказалось открытым.

Лудивина вошла через узкую дверцу и чуть не задохнулась от густого запаха ладана, который курился тут во всех углах. Тесное помещение освещали десятки толстых свечей. Со стен глядели африканские маски, под ними стояли сотни горшков и горшочков, набитых разными ингредиентами. Напротив входа притулился маленький столик с хрустальными шарами, пряжами волос и горстью грязных зубов. Ассортимент дополняли доски «уиджа» для спиритических сеансов, колоды карт Таро и гримуары, наваленные под вешалкой с соответствующей одеждой – главным образом черными и белыми плащами с капюшонами. За всей этой рухлядью Лудивине с трудом удалось рассмотреть в глубине сам прилавок, по сторонам которого стояли чучела животных, все повернутые мордой ко входу.

Человек, читавший газету, поднялся с табуретки навстречу посетителям. Это был метис с необычно длинными дредами, рассеянным взглядом и сеточками глубоких морщин по уголкам глаз; с одной стороны лица кожу изуродовал давний ожог.

– Добро пожаловать к Жабару. Ищете что-то особенное?

На верхних резцах у него были золотые коронки.

– Ищем книгу для дневниковых записей. Из хорошей бумаги с водяным знаком в виде пентаграммы... – Лудивина внимательно следила за реакцией метиса и мгновенно уловила изменение в выражении его лица: взгляд тотчас сделался острее. Такие мелочи от нее не ускользали. – Похоже, вы понимаете, о чем я говорю.

– Кто вы такие?

Сеньон показал жандармское удостоверение:

– Парижский отдел расследований. Мы тут по делу об убийстве.

– Так что не утруждайте себя выдумыванием баек, Жабар, – подхватила Лудивина. – Либо вы ответите на наши вопросы здесь и сразу, либо закроете лавку и поедете с нами, но это будет начало очень неприятного периода вашей жизни.

– За что? Я ничего не сделал!

– Мы бы охотно поверили, да вот только на месте преступления найдена одна из ваших поделок.

Жабар нервно тряхнул головой:

– Я так и знал, что из-за этой книжки у меня будут проблемы! Слушайте, мне не нужны неприятности, я дорожу своей репутацией. Все, что я делаю, – законно, ясно?

– А книга?

Мастер неловко переступил с ноги на ногу и снова покачал головой:

– Это был особый заказ.

– От постоянного клиента?

– От одного типа, который заглядывает ко мне время от времени. Однажды утром он явился сюда и попросил сделать ему дневник, вроде тех, что лежат на витрине у вас за спиной, но чтобы бумага была с пентаграммой, а переплет, мол, надо обтянуть материалом, который он принес. Сказал, это «шкура», но я сразу понял, что она принадлежала не животному. Я же не идиот!

– А вы не доперли своим выдающимся умом, что нужно позвонить в полицию? – жестко спросил Сеньон, решив надавить на свидетеля. Он, как и Лудивина, по опыту знал, что честные граждане, если их загнать в угол, имеют обыкновение сразу выбалтывать всю подноготную, чтобы оправдаться перед законом, поскольку надеются, что это освободит их от любой ответственности.

– Он заверил меня, что кожа взята у добровольцев, которым за это заплачено.

– Вам он тоже заплатил, и неплохо, я полагаю?

– Ну не то чтобы неплохо...

Лудивина пока не верила ни единому слову Жабара. Он определенно согласился выполнить работу и не задумываться о происхождении переплетного материала в обмен на приличное вознаграждение. По крайней мере, стало ясно, что у Чудилы были деньги, и наверняка это был процент за посредничество между бандой Жозефа и свежевателем из Лилля.

– Как зовут заказчика? – спросила она.

– Он представился как ГФЛ, платил наличными. Это все, что я о нем знаю, клянусь!

– ГФЛ, – повторила Лудивина странную аббревиатуру. И поморщилась. ГФЛ – инициалы Говарда Филлипса Лавкрафта, американского литератора, которому приписывают авторство таинственного «Некрономикона». Какое, однако, чувство юмора... – Как он выглядит?

– Невысокий, длинные черные волосы, пирсинг с ног до головы, татуировки на шее и на руках. Короче, фигура заметная.

– Такое же описание дал Жозеф, – кивнула Лудивина Сеньону и снова перевела пристальный взгляд на торговца, который посматривал на двух жандармов внимательно и с опаской. Она решила еще немного поднажать: – Вы ведь знаете о нем гораздо больше, чем сказали, Жабар. Либо вы сейчас же выкладываете все, что вам известно, либо я закрою эту лавочку и камня на камне не оставлю от вашей репутации. Клянусь, после того как я поговорю с местными управителями, вас вышвырнут с рынка на все четыре стороны, чтобы вы не позорили торговое заведение.

– Но я ни в чем не виноват, честное слово!

– Ваша книга лежала рядом с трупом на месте убийства, – поддержал Сеньон напарницу в ее игре. – Если учесть вашу специализацию здесь и некоторые особенности преступления, поверьте мне, нам легко удастся установить связь между вами и тем сатанинским зверством.

Жабар, теперь уже действительно сильно напуганный, замотал головой:

– Нет, я...

– А если мы найдем ГФЛ, – перебила Лудивина, – это моментально избавит вас от нашего внимания. При расследовании подобных убийств не бывает толпы подозреваемых. В данном случае либо вы, либо он.

– Вы переходите все границы! – попытался возмутиться Жабар, но не слишком уверенно. – Нельзя же обвинять человека без доказательств!

– Мы-то, может, и верим, что ты тут ни при чем, – перешла на «ты» Лудивина, – но если у прокурора не окажется кого-нибудь получше, он скорее всего захочет предъявить тебя присяжным, и тогда придется доказывать им, что ты не имеешь никакого отношения к ритуальному убийству, на месте которого валялась твоя книга.

– Но я ее только изготовил! Я ничего не знаю об этом преступлении!

– Скажи нам, где найти ГФЛ, и мы оставим тебя в покое.

– Я не знаю!

– О'кей, ты сам напросился. – Лудивина завела руку за спину и достала из-под ремня пару наручников.

– Нет! Вы не можете меня арестовать! Так же нельзя!

– Еще как можно.

– Мы дали тебе право выбора, и ты сам принял решение. Давай, поворачивайся спиной, – велел Сеньон.

Жабар вскинул руки перед собой:

– Нет-нет! Подождите! Может, я сумею вам объяснить, как его найти!

Лудивина глубоко вздохнула – похоже, получилось.

– Валяй, объясняй, – кивнул Сеньон. – Если попробуешь наврать, лично тебе обещаю: сгниешь в тюрьме.

Жабар нервно сжал челюсти и вытянул шею, пытаясь разглядеть за всем своим хламом проход перед лавкой и убедиться, что там никого нет и никто не услышит его признания.

– Жабар! – рывкнул Сеньон.

– Этот ГФЛ... он контактит с мелкими бандами, сбывает через них свой товар.

– Человеческую кожу? – Лудивина забеспокоилась, что сейчас все вернется к их отправной точке – то есть к Жозефу и его поделщикам.

Жабар кивнул.

– Но клянусь вам, я не знал, что он замешан в убийстве! Думал, люди продают собственную кожу добровольно!

– Ты вообще не хотел об этом думать, – поправил его Сеньон. – Давай дальше.

– Он снабжает кое-кого в Аржантее²³ и на это живет.

Значит, ГФЛ, он же Чудила, не только свел банду Жозефа из Ла-Курнев со свежевателем из Лилля, но и сам приторговывал драгоценным товаром. Должно быть, увидел, как на Жозефа с его наркодилерами посыпались деньги, и, соблазнившись прибылью, попросил напрямую у поставщика партию товара, чтобы лично его пристроить.

– Где именно в Аржантее? Кого снабжает?

– Не знаю, жизнью клянусь, не знаю! Он больше ничего не рассказывал. Однажды задержался у меня в мастерской, долго сидел, пока я работал над... переплетом. И вдруг начал болтать, понесло его, никак не мог заткнуться. И то, что он говорил, было полнейшим бредом – что-то про дьявола, который реально существует и ходит по улицам, но его никто не узнает... А потом неожиданно сказал, что человеческая кожа принесет ему кучу бабла. У него были какие-то планы насчет банды из Аржантеи. ГФЛ встречался с этими парнями на складе, где они устраивают собачьи бои, говорил, скоро они станут друзьями и вместе замутят адский бизнес в ожидании пришествия Сатаны. Это все, что я знаю! Правда!

Сеньон все это время слушал, подступив к Жабару почти вплотную и глядя на него сверху вниз, чтобы заставить нервничать. Теперь он отошел на шаг и, покосившись на Лудивину, убедился, что Жабар наговорил достаточно.

– Возможно, ГФЛ еще заглянет к тебе в гости, – сказала она метису. – В этом случае ты немедленно дашь нам знать и будешь тянуть время, пока мы не приедем. – Лудивина спрятала наручники и вложила мастеру в руку визитную карточку с логотипом Парижского отдела расследований. – Любая мелочь важна для расследования, Жабар. Если вспомнишь еще хоть что-то, что может помочь тебе оправдаться, а нам – найти ГФЛ, звони мне в любое время суток. Понял?

Жабар энергично кивнул. Когда жандармы уже повернулись к выходу из тесной, пропахшей ладаном лавочки, он удержал Лудивину и протянул ей бусы из резных кусочков дерева, зубов и стеклянных шариков с какими-то вкраплениями внутри.

– Вот, возьмите. Это подарок.

– Спасибо, Жабар, как-нибудь обойдусь.

– Нет, я настаиваю. Они вам пригодятся.

– Это что, талисман на счастье? – иронично усмехнулся Сеньон.

Но Жабар был слишком серьезен и сосредоточен.

– Это оберег для девушки. У вас плохая аура, мадемуазель. Очень сожалею, но вас сглазили. Кто-то навел на вас порчу. – Он вложил бусы Лудивине в ладонь и сжал ее в кулак.

²³ Аржантея – коммуна, северо-западное предместье Парижа.

11

Майское солнце честно старалось, заливая мир теплом, но Лудивина мерзла. Руки были ледяные. Ей очень не понравилась эта история с бусами и слова Жабара, особенно после того как она побывала в логове сатаниста и прочитала его дневник. Лудивина была не из тех, кто склонен к суевериям, но когда тебя называют жертвой сглаза, это как-то не обнадеживает.

Они с Сеньоном вернулись в Отдел расследований, разместившийся в старом форте, и застали там Гильема, удрученного тем, что не удалось найти никаких зацепок. У него на компьютере была открыта программа Analyst Notebook – все это время он вносил в базу имена и фамилии, упоминавшиеся в протоколах опросов местных жителей, которые прислали ему из отделения полиции Ла-Курнев. Никто из соседей ничего не видел, не слышал, не знал и знать не желал. Типичная ситуация для иммигрантских кварталов.

Другая группа из Отдела расследований отправилась в Ла-Курнев брать показания у родственников убитого, опознанного Жозефом.

Лудивина и Сеньон поделились с Гильемом скромными результатами своего визита к Жабару. Лудивина не думала, что из этого можно извлечь хоть какую-то пользу – если и удастся вычислить аржантейскую банду, с которой общался ГФЛ, он же Чудила, это займет уйму времени. Но Гильем ее удивил. Он сделал несколько звонков кому-то из своих многочисленных знакомых и, не прошло и часа, триумфально вскинул руки над головой, будто выиграл футбольный матч:

– Приятель из версальского РУСП²⁴ дал наводку. ЦББОП²⁵ ведет наблюдение в районе Аржантея за группировкой, которая занимается трафиком всех видов наркотиков, преимущественно тяжелых. Во время слежки они вычислили еще одну банду, помельче, которая тоже приторговывает дурью, но на героин не замахивается. Эти парни устраивают собачьи бои. Вы же что-то такое упоминали, верно? Немногие банды способны серьезно организовать собачий бизнес, а поскольку в Аржантее сейчас полно ребят из Бригады по борьбе с наркотиками, мы их не упустим.

Лудивина подкатилась на кресле к столу Гильема:

– Личности уже установлены?

– Нет пока, но у меня есть подтвержденный адрес склада, на котором проходят собачьи бои, – это ведь лучше, чем ничего, да?

– Есть риск, что мы помешаем работе ЦББОП, если сунемся в Аржантею?

– Мой приятель из версальского РУСП сказал, что собачья банда их не интересует, но приближаться к той, что покрупнее, нельзя.

– Годится. – Лудивина схватила телефон.

– Что собираешься делать?

– Звонить полковнику. Пусть поднимает весь отдел – чем больше будет людей, тем лучше.

– Подожди хотя бы, пока они закончат с опросами в Ла-Курнев. Да и не успеем мы сегодня подготовиться к операции в Аржантее.

– К вечеру успеем. ГФЛ уже наверняка в курсе, что его логово спалили, и он побежит к тем, кто может ему помочь. Господа, вам придется отменить званые ужины, у нас сегодня вечером подают собачатину.

Сеньон понурился:

– Летиция меня убьет...

– Сегодня вечером?... – повторил Гильем.

²⁴ РУСП – Региональное управление судебной полиции.

²⁵ ЦББОП – Центральное бюро по борьбе с организованной преступностью. – *Прим. авт.*

Лудивина уверенно кивнула и добавила:

– На этот раз ты нам понадобишься, так что тоже собирайся.

* * *

«Собачья арена» представляла собой огромный заржавелый ангар на отшибе между пустырем и лесом, где-то на полпути от Аржантеи к Кормейз-ан-Паризи, в северо-западном предместье Парижа.

Полковник внимательно выслушал Лудивину и возражать не стал, сразу дал добро на операцию и отправил часть наличного состава Отдела расследований на помощь ее группе. Подкреплению было приказано не вмешиваться, только вести наблюдение за местом и проверить, не скрывается ли там Чудила, он же ГФЛ. Жабар и Жозеф дали исчерпывающий словесный портрет этого человека, так что его вполне можно было опознать. Если он появится там и будет шанс взять его тихо, не всполошив банду, которая ему покровительствует, тогда арест проведет Отдел расследований; в противном случае в дело вступит Группа вмешательства. По этому вопросу полковник высказался категорично: никакого риска и как можно меньше шума.

Двенадцать жандармов в гражданском окружили ангар на приличном расстоянии и следили в бинокль за всеми входами и выходами, укрывшись в зарослях. У каждого была рация с подключенным наушником – это позволяло координировать действия всех постов наблюдения. Ночь подступала медленно, майское небо не торопилось темнеть, солнце – величественное и ослепительное, как король, ступающий к трону, чтобы занять его на ближайшие месяцы, – неспешно клонилось к горизонту, а за ним вился раскаленный шлейф. И пока тени вокруг обретали густоту, к ангару все прибывали и припарковывались у главного входа машины, из которых выходили зрители и любители делать ставки.

Лудивина, лежа за живой изгородью из самшита рядом с Сеньоном и Гильемом, разглядывала поклонников собачьих боев; оказалось, это публика всех мастей – среди них были отцы семейств, на вид положительные во всех отношениях, неудачники с ипподромов, охотники до сильных эмоций и даже трое месье в костюмах с галстуками, будто только что покинувшие офис и заглянувшие сюда после рабочего дня поставить пару купюр на какого-нибудь волкодава, потому что надоело таскаться по стрип-клубам. Женщины тоже попадались, и подростки, но их было гораздо меньше, чем мужчин. Вскоре ангар уже гудел от воинственного лая мнимых звезд шоу-бизнеса; на парковке, представлявшей собой укатанную площадку земли, были припаркованы полтора десятка машин и дюжина мотоциклов, скутеров и велосипедов.

Сеньон достал рацию:

– Франк, что там у тебя на задворках?

– Ничего, все спокойно. Иногда кто-нибудь выходит покурить и потрепаться по мобиле.

– Даже дозорных не выставили, – констатировала Лудивина. – Похоже, эти парни настолько уверены в себе, что ничего не боятся.

Гильем, сидевший чуть поодаль, спрятал айфон, на экране которого он минут десять изучал географию сектора по Google Maps, и подполз к коллегам:

– Поблизости нет никаких строений. Если Чудила хотел залечь на дно, он может быть только в этом ангаре.

– Или дома у кого-нибудь из бандитов, которые его прикрывают, – заметил Сеньон.

– Мы узнаем это только после того, как вычислим всех участников банды и установим слежку за каждым. Невыполнимая задача, – сказала Лудивина.

– А у тебя есть идеи получше? Мы тут, между прочим, по твоей инициативе.

– Я не думала, что здесь будет столько народу. Надо идти в ангар.

Сеньон мрачно уставился на нее:

– Не уверен, что полковнику Жиану понравится такое изменение в плане.

– Полковнику понравится результат, Сеньон. Дай мне рацию. – Следующие слова она произнесла в переговорное устройство: – Мы с Сеньоном и Гильемом заходим в ангар. Осмотримся там. Оставайтесь на связи.

Никто не возразил, и вся троица с красными флуоресцентными повязками и надписью «ЖАНДАРМЕРИЯ» на рукавах спустилась по склону недалеко от главного входа и прошла вдоль стены из листового железа до задней двери, за которой наблюдал Франк. Быстро оглядевшись, они один за другим проскользнули в ангар; каждый держал ладонь на кобуре служебного оружия, готовый выхватить его в любой момент.

Первым впечатлением был тяжелый запах – воняло псиной, экскрементами и... кровью, как будто во рту вдруг оказалась монетка, и на языке застыл металлический привкус. Яростный лай, резонируя в просторном помещении, бил по ушам, возбужденные зрители подбадривали бойцов истерическими выкриками, в толпе звучал смех, а все вместе это сливалось в оглушительный шум. В углу ангара стоял старый грузовичок, пикап и ярко-красная БМВ. Лудивина быстро осмотрела салон первой машины, Гильем и Сеньон занялись двумя другими. Три кивка – везде пусто. Дальше был огороженный сеткой загончик с курами – они все сбились в одну кучу, перепуганные шумом и воплями.

– Это что, корм для собак? – с отвращением спросил, глядя на них, Гильем.

– Ну вряд ли банда занимается еще и продажей яиц, – пожал плечами Сеньон.

Они пошли мимо клеток, и вдруг из тени метнулся черный силуэт, тело с размаху ударило в прутья всем своим весом в нескольких сантиметрах от бедра Сеньона. Он отшатнулся: в клетке прямо перед ним ротвейлер с пеной изо рта зашелся в лае. Трое жандармов невольно пригляделись к прутьям – выдержат ли еще один такой бросок – и поспешили дальше, мимо других клеток с бойцовыми псами. Шум толпы становился громче. В центре ангара на арене, обнесенной решеткой высотой в рост человека, два питбуля рвались с поводков, хозяева с трудом их удерживали. Человек сорок зрителей столпились вокруг, в первых рядах люди цеплялись за перекрестья стальных прутьев, чтобы их не оттеснили; все были возбуждены запахом крови и предвкушением нового боя. Букмекеры только что закончили принимать ставки, делали последние записи о пари в блокнотах и засовывали пачки денег в «кенгурушки».

Присев за бочкой с водой, Лудивина заметила здоровенного мужика в футболке с надписью «Неустрасимый» и тоже с питбулем на поводке. Она щелкнула Сеньона по плечу, обратив его внимание на этого громилу, и продолжила изучать беснующуюся толпу и окрестности. В конце концов удалось насчитать восемь членов банды: тот громила у входа с собакой, двое распорядителей на арене, четверо букмекеров и еще один тип, наблюдавший не за боями, а за зрителями – он разгуливал вокруг с помповым ружьем на плече. И никаких намеков на присутствие ГФЛ – никто не подходил под описание, полученное от Жозефа и Жабара.

Зверей на арене спустили с поводков, и лай перешел в ужасающее рычание, боевой клич. Челюсти заклацали под варварский рев толпы, пришедшей в неистовство. Из своего укрытия Лудивина не видела самой схватки и ничуть не жалела об этом, но она слышала глухие удары от столкновения тел и клыков, различала визг, когда челюсти рвали мясо.

– Ты что?.. – всполошился Гильем, уставившись на нее.

Лудивина только теперь поняла, что достала из кобуры оружие и сжимает его в руке. Еще немного, и она бы бросилась к арене.

Сеньон помотал головой – мол, сиди смирно.

– Мы еще не осмотрели левую часть ангара, – шепнул он. – Пошли проверим.

Лудивина еще раз покосилась на арену. Толпа, разгоряченная кровавым зрелищем, жестокостью и страданием, вызывала у нее отвращение. Она не знала, что эти люди представляют собой по одиночке, как личности, но все вместе они вели себя как обезумевшее от вида крови животное. В толпе, охваченной массовой истерией, как на каком-нибудь концерте,

под влиянием стадного чувства исчезает понятие о добре и зле, и самые гнусные древние инстинкты берут верх над цивилизованностью.

– Лулу! – окликнул Сеньон. – Идем. – И потянул ее за собой.

Они вернулись ко входу и пошли вдоль левой половины помещения, мимо отсеков, разделенных перегородками из неструганных досок и выстроившихся как ложи в этом извращенном театре. Всего там было шесть дверей.

– Я уже начинаю сомневаться, что Чудила скрывается именно здесь, – сказала Лудивина. – А если его здесь нет – значит, он просто залег на дно в каком-нибудь очередном бараке.

– И тогда можно с ним распрощаться, – со вздохом закончил мысль Гильем.

Сеньон взялся за первую дверную ручку – оказалось, замок заперт на ключ. Он дернул следующую – внутри были кабинки биотуалетов. Третий и остальные отсеки пустовали. Тогда они вернулись к первому, запертому, и Сеньон лопатой, подобранной поблизости, выломал замок.

Это было помещение для подготовки к боям – «собачья раздевалка». К стене привинчены кольца, на полу валяются цепи, намордники, ремни, шприцы и «витаминные коктейли», с помощью которых из псов делают совершенные машины для убийства. Там было множество препаратов – метандростенолон, анаболические стероиды, шеренга флаконов, на этикетках которых написано «Гормоны», желатинозные капсулы с амфетаминами и даже какой-то порошок – кокаин, по предположению Лудивины.

– Бедные животные, – пробормотал Гильем. – Если они не погибнут на арене, их все равно прикончат инъекции вот этой дряни. И заметьте, здесь нет лекарств для восстановления от ран.

– А зачем? – пожал плечами Сеньон. – Псы, которые выживают в боях, становятся еще агрессивнее. Чем больше пострадали, тем злее. Не заблуждайся насчет их хозяев, Гильем, никто из них не любит своих питомцев, что бы они там ни говорили, для них это всего лишь мешки костей и мускулов, которые приносят прибыль.

Они уже собирались выйти из «раздевалки», как здоровяк вдруг насторожился, оттолкнул Лудивину и Гильема к стене и сам отступил от двери, толкнув створку, чтобы их не было видно из ангара. К отсекам приближались неровной походкой двое мужчин – Лудивине удалось рассмотреть сквозь дверную щель, что они несли собаку на куске брезента.

– Блин, тяжелый, зараза, – прошипел один.

Пес тихо поскуливал. Его морда превратилась в бурое месиво из мяса и лохмотьев шкуры, на шее и боках кровоточили другие рваные раны, одна лапа была почти оторвана. У Лудивины опять сжалось сердце, и она с трудом подавила желание выскочить из укрытия.

Мужчины дотащили пса в угол напротив «раздевалки» и сгрузили его около большой печи. Заметив топор и длинный двуручный секатор, Лудивина поняла, что они собираются делать дальше.

– Сходи за психом, – велел один другому. – Хоть какая-то польза от него.

– Не нравится мне этот чувак, из-за него у нас будут проблемы.

– Хочешь сам разделать тушку?

– Ты что, не видел? Он же кайф ловит, когда собак кромсает. Гребаный ублюдок!

– Заткнись и тащи психа сюда, а то сам будешь кромсать и жарить этого дохляка.

– Ладно, не пыли, щас сгоняю.

Трое жандармов проводили взглядами парня в шортах и майке до того места, где стояли три машины, а затем увидели, как он наклонился и потянул за кольцо, вмонтированное в крышку люка.

– Черт, – вырвалось у Лудивины, – как мы раньше этого не заметили...

Парень не разгибаясь, крикнул в дыру, открывшуюся в настиле:

– Эй, для тебя есть работа! Давай вылезай!

Лудивина подступила ближе к дверной щели, чтобы получше рассмотреть лицо человека, который поднимался по лесенке из погреба. И затаила дыхание, как только над полом показалась его голова.

12

Чернильно-черные волосы падали на плечи, пирсинг густо покрывал губы, крылья носа и надбровные дуги. Кисти и предплечья пестрели татуировками, рисунок которых на таком расстоянии трудно было различить. Сомнений не осталось: это был тот самый человек, которого называли Чудила и ГФЛ. Очень бледный, невысокого роста, в черном спортивном костюме, «рейнджерах» и грязной темной футболке. Определить его возраст было невозможно – вроде бы лет тридцать с небольшим, но потом освещение поменялось, и показалось, что ему в два раза больше. Наркотики, бродяжничество и все порочные склонности в совокупности перемешали и перепутали в его облике приметы времени.

Насколько Лудивина сумела рассмотреть издали, взгляд у него был странный – может, из-за очень густых бровей и глубоко посаженных глаз, но дело было не только в этом. Чудила не моргал. Совсем. В течение трех минут, пока слушал двоих бандитов, объяснявших ему, что нужно сделать с умирающей собакой – разрубить на куски и сжечь в печи так, чтобы остался только пепел, – его веки не опустились ни разу.

– Я и без вас все знаю, – раздраженно отмахнулся он наконец, – утром ведь уже это делал. Голос у него был довольно высокий, с присвистом.

– Нам нужно, чтобы ты все сделал именно в таком порядке. Только на этот раз сначала прикончи пса! – потребовал парень в шортах. – Утреннего ты начал рубить живьем, садист хренов!

ГФЛ насмешливо взглянул на собеседника:

– Это я-то садист?

– А кто? Ты гребанный извращенец, у тебя это на роже написано!

– Пошли со мной в погреб, и я покажу тебе, что такое настоящее извращение.

Второй бандит поспешил вмешаться, пока дело не дошло до драки:

– Эй, хорош уже! А ты не забывай, что мы тебя укрываем! И если хочешь тут остаться, раздобудь нам еще товар. У нас полно клиентов, повернутых на всяких побрякушках из человеческой кожи. Спрос есть, надо обеспечивать предложение.

– О, все будет, – заверил ГФЛ, – не переживайте.

– Присматривай за ним, БТ, – обратился второй бандит к парню в шортах. – Проследи, чтобы он все правильно сделал и никаких следов не осталось.

– Че? А почему я?.. – возмутился было БТ, но начальник поднес кулак к его носу, чем пресек дальнейшие протесты.

– Я жду от тебя покорности и подчинения, БТ, как от тех вонючих псов. – Покачив головой, он зашагал к арене, оставив обоих с агонизирующей собакой.

Трое жандармов выждали минуту, убедились, что больше никто из банды не направляется к печи, и тихо вышли из укрытия, нацелив оружие на двоих мужчин, которые по очереди затягивались одной сигаретой, глядя, как пес истекает кровью. Пока они приближались, БТ начал закидывать в печь поленья, а ГФЛ взялся за топор.

– Прикончи его, перед тем как будешь рубить лапы! – еще раз потребовал БТ.

– У кого топор, тот и решает, так что отвали.

Лудивина взяла сатаниста на мушку и ускорила шаг.

– Брось топор, – негромко произнесла она, чтобы не всполошить весь ангар.

БТ обернулся и с удивлением уставился на незнакомцев.

– Блин, вы кто такие? – спросил он и только после этого заметил флуоресцентные повязки на руках.

ГФЛ нахмурился, будто не понял приказа.

– Бросить топор? А то что? – поинтересовался он. – Выстрелишь в меня, что ли? В меня? – и усмехнулся, оскалив желтые зубы.

– Жандармерия! Бросай топор! – повторила Лудивина.

Гильем, приблизившись к БТ, заставил его опуститься на колени и положить руки на затылок. Сеньон незаметно обходил всю компанию по кругу.

– Вы не можете мне ничего сделать, – сообщил ГФЛ. – Я под защитой. У меня большие связи.

– Не сомневаюсь. Можешь ими воспользоваться, когда окажешься в камере. А сейчас не дури, положи топор.

ГФЛ поднес лезвие к глазам и принялся завороченно его рассматривать.

– Есть у меня один знакомый, который может с помощью этого топора заставить тебя очень громко кричать, – сказал он Лудивине.

– Мечтаю с ним познакомиться.

– Я могу представить тебя ему, но нужно, чтобы ты отдала мне пистолет и пришла совсем одна. Иначе он откажется от встречи.

Чудила определенно был болен, но Лудивина недооценила степень его безумия – все оказалось гораздо хуже, чем можно было предполагать. Клинический психоз? Наверняка. Надо быть осторожнее, такие больные непредсказуемы.

– Думаю, хозяин будет доволен, если я пушу тебе кровь, – сообщил ГФЛ, немного поразмыслив.

Лудивине очень не хотелось в него стрелять, чтобы остановить, если он вдруг бросится на нее, поэтому надо было отвлечь его разговором, но она не успела: ГФЛ сжал рукоятку топора и решительно шагнул к ней:

– Если такова его воля, он меня защитит.

Сеньон одним прыжком оказался у него за спиной, обхватил его огромными руками поперек торса и так крепко сжал, что ноги Чудилы оторвались от пола. Лудивина метнулась к ним, начала отбирать у сатаниста топор – он рычал и отбивался, но у Сеньона было достаточно силы, чтобы обездвижить его и лишить возможности сопротивляться. Жандармы быстро надели на него наручники, после чего Лудивина, не теряя времени, помчалась к люку – нужно было посмотреть, где скрывался Чудила. Беглого взгляда хватило: это был крошечный погреб с походной кроватью и керосиновой лампой. Она вернулась к печи.

– А с этим мне что делать? Забираем его тоже? – спросил Гильем, державший на мушке парня в шортах.

– Нет, – отозвался Сеньон. – Мы пришли только за этим, – он указал на Чудилу. – Остальные – не наше дело.

– Но... – начала Лудивина.

– Лулу! – перебил он. – Надо уважать чужую собственность. Отдел расследований этой бандой не занимается, у нас свои клиенты.

– То есть просто оставим их на свободе?

– Ими займутся другие.

– Ты представляешь, сколько времени на это понадобится, если они сейчас разбегутся? А так можно всех взять на месте!

Сеньон подошел к ней поближе и зашептал на ухо:

– Ты не Супервумен. Решила в одиночку установить во всем мире закон и справедливость? Не выйдет, и с некоторых пор ты сама должна это понимать. Наша цель – вон тот псих, остальные – по боку. Или ты собираешься потратить три дня на то, чтобы их допросить и составить протоколы? А кто в это время будет заниматься убийством в Ла-Курнев и свежеевателем из Лилля?

ГФЛ воспользовался этим моментом, чтобы снова начать вырываться, но Сеньон быстро обездвижил его и достал рацию:

– Подозреваемый задержан, срочно машину к задней двери ангара. Мы выходим.

Гильем между тем совсем растерялся:

– А мне-то что делать? Если этого чувака оставить здесь, он всполошит своих, как только мы к нему спиной повернемся!

Лудивина указала на клетки с псами:

– Заткни ему рот и запри вон там.

– Это как-то не по правилам...

– Думаешь, он подаст на тебя жалобу в полицию?

Гильем со вздохом завязал парню рот, а когда подвел его к пустой клетке, Лудивина их остановила:

– Не в эту. В соседнюю.

– Ты спятила? – обернулся Гильем. – Видела, кто там, внутри? Ротвейлер его сожрет!

Лудивина спокойно смотрела на него ярко-синими глазами. Если в этом взгляде и были какие-то эмоции, они скрывались где-то в этой сияющей сапфировой глубине, а на поверхности был жесткий приказ действовать так, как она сказала.

– Ты серьезно? – все-таки не поверил Гильем.

Сеньон крепко сжал ее руку огромной ладонью:

– Такси подано. Идем. Гильем, запри его в пустой клетке.

В душе у Лудивины klokотала ярость. Голос разума, призывающего взять себя в руки, пытался перекрыть оглушительный хор чувств. Их мощный рев был требованием капли справедливости в варварском мире, но Лудивина прекрасно понимала, что заставить этого жалкого придурка в шортах расплатиться за всех означало сорвать злость на первом попавшемся ради того, чтобы почувствовать немного облегчения. Она работала следователем не ради этого, хотя иногда очень трудно было сдерживаться. Вот и теперь пришлось проглотить горечь, отвести от преступника взгляд и встряхнуть головой. Двое ее коллег уже вышли из ангара и заталкивали арестованного ГФЛ в служебный «универсал».

– К черту конспирацию, – пробормотала она и выстрелила в голову еще поскуливавшего пса.

13

Кислород и свет тут были в дефиците.

ГФЛ держали в маленьком помещении: стол, три стула, плесень на стенах. Сквозь оконную решетку внутрь с трудом проникало тусклое сияние от фонарей на улице. Тяжелым, застоявшимся воздухом невозможно было дышать, и все, кто проводил здесь какое-то время, высказывали в коридор, разевая рот как рыбы.

ГФЛ сидел, выпрямив спину и широко расставив ноги; наручники с него так и не сняли, приняв во внимание психическое расстройство. Взгляд его был сфокусирован на какой-то воображаемой точке в пространстве. Время от времени он принимался тереть языком застёжку пирсинга на внутренней стороне губы, и тогда железный шарик двигался и со стуком бился о соседние украшения. Пирсингом Чудила был покрыт в прямом смысле с ног до головы. Во время медицинского осмотра металлические побрякушки были обнаружены у него в ушах, сосках, пупке, в коже мошонки и в головке полового члена. Татуировки тоже присутствовали в избытке. Среди самых старых были черепа, охваченные огнем русалки, окровавленные марионетки на ниточках и прочие страшноватые мотивы, но свежих оказалось еще больше – не так давно добавились фразы на латыни, бесовские морды, языки пламени, огромные цифры «666» на груди и перевернутое распятие во всю спину. Руки были изрисованы до самых пальцев, на каждом из которых красовалось по одной букве, которые складывались в слова «SATAN» и «REGNE»²⁶.

Но вся эта роскошь меркла рядом со шрамами.

Белые и красноватые вздувшиеся рубцы неровными полосами тянулись по всему телу ГФЛ. При взгляде на него без одежды сложилось бы впечатление, что этот человек попал под работающий зерновой комбайн и выжил. Шрамы были повсюду: тонкие и короткие, длинные и толстые. Десятки шрамов превращали кожу в мятый лист бумаги с огромным множеством заломов в тех местах, где человеческое тело сгибаться не может. ГФЛ походил на гигантское origami.

Офицер, снимавший его отпечатки пальцев, едва приступив к процедуре, вынужден был позвать Лудивину и Сеньона: задача оказалась невыполнимой. ГФЛ срезал кожу на подушечках пальцев и травмировал их другими способами столько раз, что она превратилась в нечто похожее на белые роговые пластины. ГФЛ кромсал пальцы ножом, поливал кислотой, совал их в шредер, возможно, делал что-то еще всякий раз, как они заживали, чтобы исчез папиллярный узор. Жандармам уже приходилось видеть такие фокусы, обычно к ним прибегали совсем молодые и глупые преступники, насмотревшиеся дурацких полицейских фильмов. В реальности это не работает. Отпечатки пальцев сохраняют свою индивидуальность или, по крайней мере, она очень быстро восстанавливается – чтобы вытравить папиллярные линии, нужно калечить пальцы так глубоко и так часто, что ни у кого не хватит духу регулярно это проделывать. Но ГФЛ был одержим в клиническом смысле, и цель для него оправдывала любые средства и страдания.

Специалисты взяли у него слюну, чтобы провести срочный анализ ДНК и пробить результат по НЭБГД – Национальной электронной базе генетических данных. Если за последние десять лет он совершил хоть одно преступление или правонарушение, скрыть свою личность ему уже не удастся. ДНК подделать нельзя. Пока что.

Лудивина понаблюдала за ГФЛ через окошко в двери и уже собиралась войти, но Сеньон удержал ее за руку:

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

²⁶ Здесь: «Да воцарится Сатана» (фр.).

- Да.
 - В ангаре ты была немного не в себе.
 - Знаю. Но сейчас мне гораздо лучше.
 - Глупостей не наделаешь? Нас будут внимательно прослушивать.
 - Мне нужны результаты расследования не меньше, чем тебе, так что не беспокойся.
- Сеньон кивнул, последовал за напарницей в камеру, и они сели за стол напротив сатаниста, который встретил их кривой улыбкой.
- Меня отправят в тюрьму? – поинтересовался он.
 - Наверняка, – ответила Лудивина.
 - Надолго?
 - Это зависит от тебя. От того, что ты сделал.
- ГФЛ кивнул, наморщив нос.
- Как думаете, мне разрешат принести с собой кочергу?
 - Кочергу? – с удивлением повторил Сеньон. – Вот уж нет. А зачем тебе?
 - Чтобы стать как Чарли, – сатанист осенил лоб перевернутым крестом. – Как Чарльз Мэнсон. Это должно понравиться хозяину.
- Хозяин – это тот, кто снабжает тебя человеческой кожей? – вступила в разговор Лудивина.
- Багряными одеждами? Нет, это мой приятель.
 - Как зовут твоего приятеля?
- ГФЛ хихикнул:
- Не могу вам сказать, наш начальник будет недоволен.
 - Начальник – в смысле хозяин?
 - Ну да. Это он нас познакомил друг с другом. Теперь мы делаем общее дело.
 - Ты помогаешь ему сдирать с людей кожу?
 - Нет, это не моя фишка. И потом, мне кажется, приятелю не понравится, если я буду стоять у него над душой. Вот вам, к примеру, понравится, если кто-то будет рядом с вами, когда вы сдете?
 - По-моему, неудачное сравнение, – заметил Сеньон.
 - Почему? И то, и другое – естественная потребность. Мой приятель освобождает людей от багряных одежд, как он говорит, чтобы изничтожить ложь и открыть истину – показать нас такими, какие мы есть на самом деле, без масок и костюмов...
 - А ты, значит, пристраиваешь кожу в хорошие руки, – прервала монолог Лудивина, которая не могла позволить Чудиле глубоко погрузиться в состояние бреда. Она повидала достаточно психически больных и знала, что нужно контролировать их способность сосредоточиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.